

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Институт международных отношений и мировой истории
Кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории

РЕГИОНЫ МИРА В ТРУДАХ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ,
КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Выпуск 2

Сборник статей

Нижний Новгород
2020

Регионы мира в трудах молодых ученых: проблемы истории, культуры и политики. Вып. 2 / Сост. и гл. ред. А.А. Корнилов, отв. ред. А.А. Сорокин. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 69 с.

В данном сборнике представлены статьи бакалавров и магистрантов – участников международной научной конференции «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики», состоявшейся в ноябре 2019 г. и организованной кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Публикуемые исследования посвящены актуальным проблемам национальной и региональной безопасности, вопросам истории и развития регионов Северной и Западной Европы, Ближнего Востока, АТР и Российской Федерации.

© ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	3
<i>Алымова А.Г.</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ И ИСЛАНДИИ	4
<i>Яковлева Е.С.</i> СМЕНА ПАРАДИГМ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДАТСКОГО КОРОЛЕВСТВА И ФИНЛЯНДИИ	9
<i>Мамедов А.А.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В ГЕРМАНИИ	14
<i>Бывальцев М.А.</i> ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ	19
<i>Бацекало К.Д.</i> ВЛИЯНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ПОСТАВКЕ С-400 И ФОРМИРОВАНИЯ ЗОН БЕЗОПАСНОСТИ В СИРИИ НА ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ	24
<i>Козуб Е.А.</i> ДИНАМИКА ПРОБЛЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С НАТО В РАМКАХ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА	28
<i>Минеичева А.Н.</i> ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	32
<i>Назарова Е.А.</i> КАТАРО-ТУРЕЦКИЙ АЛЬЯНС КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	36
<i>Малин Е.И.</i> ЛИЧНОСТЬ ПАТРИАРХА БЕШАРА БУТРОСА АЛЬ-РАИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	40
<i>Варламова Ю.А.</i> КОНЦЕПЦИЯ КИТАЕЦЕНТРИЗМА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КНР	44
<i>Меркулова Д.Г.</i> ТАЙВАНЬ И ГОНКОНГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПОЛИТИКЕ КНР	49
<i>Снежницкая С.И.</i> РЕГИОНЫ ЕВРАЗИЙСКОГО МАТЕРИКА В КОНЦЕПЦИИ В.И. ЛАМАНСКОГО	52
<i>Занозина Я.С., Плиткина В.М.</i> ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Х ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА	58
<i>Домрачев Э.С.</i> ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В РАМКАХ ЕАЭС	65

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ И ИСЛАНДИИ

©2019 г. *А.Г. Алымова*

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

arinaag9912@mail.ru

В данной статье представлен обзор изменений в социально-экономической жизни Швеции, Норвегии и Исландии, связанных с притоком беженцев в 2016–2017 гг. Кроме того, рассматриваются причины притока мигрантов из стран Ближнего Востока, их влияние на уровень жизни в той или иной стране. В конце статьи приводится сравнение протекания, причин и последствий миграционных процессов в вышеперечисленных странах.

Ключевые слова: Швеция, Норвегия, Исландия, миграционный кризис, беженцы, мигранты, экономика, социальная сфера, ЕС, Северный Совет, Паспортный Союз, Сирия.

Королевство Швеция, Королевство Норвегия и Исландия — государства в Северной Европе, лидирующие в многочисленных рейтингах по уровню социального развития, по индексам верховенства закона, демократии, счастья населения. Экономическая ситуация в данных странах также положительная: Норвегия занимает 4 место в списке стран по номиналу ВВП на душу населения, Исландия – 6-е, Швеция – 12-е [1].

Все три страны состоят в Северном совете – организации для координации сотрудничества между парламентами, а также в Северном паспортном союзе: граждане этих стран имеют право свободно перемещаться по их территориям без загранпаспортов и вида на жительство. Примечательно, что в Евросоюз входит только Швеция, однако все три государства состоят в Шенгенском соглашении, что позволяет владельцам краткосрочных виз, мигрантам, а также гражданам других европейских государств въезжать на их территории без паспортного контроля [2].

Миграционный кризис — явление, возникшее в конце 2015 г. и продолжающееся сегодня в связи с неготовностью Европейских государств к резкому увеличению потока беженцев и нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

В Швеции проживает более 10 млн человек, 19% из которых родились за ее пределами. Страна начала активно принимать мигрантов еще с середины XX в., что было связано с расширением шведского рынка труда и с притоком беженцев в разные годы [3].

Говоря о миграционном кризисе, в 2015 году Швеция приняла наибольшее количество сирийских беженцев из всех стран ЕС в расчете на душу населения (более 160 тыс. чел.) [4]. Шведское правительство было вынуждено ужесточить миграционную политику. В стране вводился дополнительный пограничный контроль, миграционное законодательство относительно беженцев ужесточилось [5]. Беженцам предоставлялся временный вид на жительство, но возможности для воссоединения семьи значительно ограничивались. Тем не менее, Швеция старается прилагать усилия для интеграции беженцев. Всего в период с 2015 по 2019 гг. Швеция приняла более 250 тыс. беженцев из стран Ближнего Востока.

Говоря о последствиях кризиса, следует подчеркнуть, что высокий уровень иммиграции и низкий уровень рождаемости в стране могут постепенно превратить ранее мононациональную Швецию в мультикультурную страну. Что касается других социальных последствий, таких как безработица, повышение уровня преступности, Швеция делает все для того, чтобы их минимизировать. Так, например, если в 2015 г. уровень безработицы подскочил до 9%, то в последние годы он сохраняется на уровне 7%. Политика интеграции достаточно дорого обходится шведским властям: в бюджете Швеции существует статья помощи мигрантам, в 2015 г. она достигла показателя в 6 млрд. евро. Несмотря на тот факт, что влияние иммиграции на ВВП Швеции составляет менее 1%, каждый беженец, прибывший с 2015 г., обходится государству в 16,5 тысяч евро в год [6; 7].

Норвегия — государство с численностью населения 5,3 млн чел, мигранты составляют 14,1% населения. В Норвегии всегда была достаточно жесткая миграционная политика. В основном в страну прибывают мигранты из Европы за лучшими экономическими, социальными и карьерными условиями [8].

Вследствие миграционного кризиса в 2015 году в Норвегию прибыло более 31 тыс. беженцев [9], правительство страны приняло ряд мер, направленных на сокращение иммиграции. В результате в 2016–2017 гг. в Норвегии было подано около 6000 прошений об убежище, тогда как до миграционного кризиса этот показатель много лет колебался вокруг отметки в 10 тыс. [10] прошений в год.

В Норвегии, по сравнению с Швецией, строже относятся к интеграции беженцев. Для норвежских властей крайне важно [11], чтобы прибывшие лица уважали норвежские ценности, такие как свобода слова и вероисповедания. Беженцам полагаются социальные

выплаты, курсы обучения норвежскому языку, программы адаптации [12], что также составляет огромную статью расходов в бюджете Норвегии [7].

Беженцы могут изменить демографическую ситуацию в стране, тем не менее, в связи с их малым количеством они не в состоянии глобально изменить показатели безработицы и уровня преступности.

Население Исландии – 350 тыс. человек, при этом около 11% населения – иммигранты [13]. 20 лет назад иммигранты составляли 2% населения Исландии, за это время их число выросло на 430%. Большинство мигрантов переселяются в Исландию из более бедных стран Европы по экономическим соображениям [14].

Вследствие миграционного кризиса Исландия приняла более 2500 беженцев. В сравнении с другими странами Европы данный показатель невелик, в первую очередь, это связано с географическим положением страны [15].

В настоящее время переселенные беженцы получают жилье, финансовую помощь и общественную поддержку по прибытии в страну. В 2018 г. было принято постановление, согласно которому беженцы получили право на бесплатные уроки исландского языка и интеграции в исландское общество. Население Исландии скорее положительно относится к приему беженцев: в мае 2018 г. 55% жителей Исландии, которые проголосовали в ходе муниципальных выборов, высказались за то, чтобы Исландия приняла больше беженцев [16]. Беженцы не оказывают значительного влияния на экономику и общество страны. Несмотря на сложности с языком, множество прибывших активно работает на местных предприятиях, например, на заводах по переработке рыбы [17].

Таким образом, мы можем видеть, насколько сильно может различаться миграционная политика соседних, схожих во многом государств и как эта политика может влиять на реальную ситуацию в стране. Наиболее гостеприимной страной является Швеция, однако и последствия миграционного кризиса для нее оказываются наиболее значительными. Норвегия, не принимая большого количества мигрантов, прикладывает все усилия для того, чтобы интегрировать их в норвежское общество с его культурой и ценностями. Общей тенденцией является ужесточение миграционного законодательства обеих стран после первой волны мигрантов в 2015 г. Обе страны вкладывают огромные средства в интеграцию беженцев, однако существует точка зрения, согласно которой в ближайшие годы эти вложения могут окупиться. Исландия же, в связи со своим географическим положением, приютила очень малое количество беженцев, что скорее положительно повлияло на социально-экономическую обстановку в стране. Ее население и правительство наиболее позитивно относятся к прибывшим, желая создать все условия для интеграции.

Список литературы

1. GDP per capita, current prices // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Конвенция о применении Шенгенского соглашения // Информационный портал I-Balt [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-balt.ru/schengenconvention/> (ата обращения: 15.10.2019).
3. Sweden and migration // The official site of Sweden [Электронный ресурс]. URL: <https://sweden.se/migration/> (дата обращения: 14.10.2019).
4. Migration infographics of Sweden // Sharing Sweden [Электронный ресурс]. URL: <https://sharingsweden.se/materials/migration-infographics/> (дата обращения: 14.10.2019).
5. Ministry of Justice: sweden's asylum policy // The official site of Swedish Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.government.se/49f0b2/contentassets/183ca2f36f1c49f3b7d1b5724a5753ce/swedens-migration-and-asylum-policy--fact-sheet-2019.pdf> (дата обращения: 14.10.2019).
6. Бьёрн Густафсон. Современный опыт Швеции в области международной миграции // Журнал исследования социальной политики [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032345/Gustaffson_Opit_Shvecii.PDF (дата обращения: 14.10.2019).
7. Who bears the cost of integrating refugees // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-13.pdf> (дата обращения: 14.10.2019).
8. Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents // Statistics Norway. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ssb.no/en/innvbef> (дата обращения: 19.10.2019).
9. 14 per cent of population are immigrants // Statistics Norway [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/14-per-cent-of-population-are-immigrants> (дата обращения: 19.10.2019).
10. Report for Norway to the OEC Immigration and Integration 2017–2018 // Report for Norway to the OEC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fe206a22df754b8792740fb81109a761/immigration-and-integration-2017-2018-report-for-norway.pdf> (дата обращения: 19.10.2019).

11. Fraser Nelson. Norway's tough-love approach to the refugee crisis// The Spectator [Электронный ресурс]. URL <https://www.spectator.co.uk/2017/11/norway-is-hard-on-migrants-but-tough-love-works/> (дата обращения: 19.10.2019).
12. Bernt Bratsberg. Economic and political integration of refugees in Norway: Challenges for policy // Frisch Centre/University of Oslo [Электронный ресурс]. URL delmiwww.delmi.se/upl/files (дата обращения: 19.10.2019).
13. External migration. // Statistics Iceland. [Электронный ресурс]. URL <https://www.statice.is/statistics/population/migration/external-migration/> (дата обращения: 13.10.2019).
14. Migration remains high in 2018 // Statistics Iceland [Электронный ресурс]. URL <https://www.statice.is/publications/news-archive/inhabitants/migration-2018/> (дата обращения: 13.10.2019).
15. Nordic integration and settlement policies for refugees // Nordic Council of Ministries. [Электронный ресурс]. URL <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1306724/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 13.10.2019).
16. Iceland: Equal Reception Conditions for Resettled Refugees and Asylum Seekers// European Council on Refugees and Exiles [Электронный ресурс]. URL <https://reliefweb.int/report/iceland/iceland-equal-reception-conditions-resettled-refugees-and-asylum-seekers> (дата обращения: 13.10.2019).
17. Laura Riuttala. The Icelandic people need foreigners to survive, literally // Country office in Finland [Электронный ресурс]. URL <https://iom.fi/en/why-does-migration-iceland-matter> (дата обращения: 13.10.2019).

СМЕНА ПАРАДИГМ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДАТСКОГО КОРОЛЕВСТВА И ФИНЛЯНДИИ

©2020 г. *Е.С. Яковлева*

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

elenayakovleva99@yandex.ru

В статье представлен обзор текущей миграционной ситуации в Дании и Финляндии. Интерес мигрантов к странам Северной Европы, обусловленный социально-экономическими условиями и высоким уровнем жизни, с одной стороны, стимулирует усиление миграционных потоков, а с другой – ужесточение национального миграционного законодательства. Новые датские законы по миграционной политике также именуется «сменой парадигмы». Если с начала миграционного кризиса в Европе весь законотворческий процесс был направлен на политику интеграции мигрантов, то в настоящее время акцент смещен на скорейшее возвращение беженцев в свои страны. Иммиграционные потоки в Финляндию оказывают сильное влияние на социально-экономическую обстановку, а именно на уровень безработицы и преступности в стране.

Ключевые слова: миграция, Северная Европа, Дания, Финляндия.

Финляндия. На протяжении долгого времени Финляндия считалась страной эмиграции, однако за последние девятнадцать лет благодаря преимуществам социально-экономических показателей (высокоразвитой инфраструктуре, высокому образовательному уровню населения, быстрой в освоении новых технологий и благоприятному для бизнеса деловому климату) она стала одной из наиболее привлекательных стран для иммиграции. С начала 2000-х гг. число мигрантов с 0,5% возросло до 4% от общего количества населения (5,5 млн чел.) [1].

Состав мигрантов, проживающих на территории государства, неоднороден, переселенцы расселены по территории неравномерно. По данным Центра официальной статистики Финляндии, мигранты концентрируются в восточных муниципалитетах и столичном округе, где зафиксированное число иностранцев составляет более 8% населения. Исследователи отметили, что родным языком более чем для 20% проживающих в районах Хельсинки, Эспоо и Вантаа является не финский, шведский или саамский, а русский, эстонский, сомалийский, арабский и т. д. [2].

Финское законодательство придерживается принципа предоставления равных прав иностранным гражданам и гражданам Финляндии. В целях содействия интеграции иностранных граждан в жизнь финского общества в 1999 г. был принят закон «об интеграции иммигрантов и приеме лиц, ищущих убежище от 1999 г.» [3] с целью создания для иностранных граждан достаточных возможностей для полноценного участия в жизнедеятельности финского общества.

В Финляндии принято выделять 3 уровня интеграционных мер: государственный, местный и индивидуальный.

На государственном уровне Иммиграционная Служба Финляндии занимается регулированием вопросов въезда иностранных граждан в страну, проживания в ней, а также вопросами предоставления статуса беженца и получения гражданства. Важнейшим шагом в данном направлении стал вступивший в силу в феврале 2004 г. закон «О борьбе с дискриминацией» [4].

На местном уровне с помощью профсоюзов, организаций работодателей и неправительственных организаций реализуются интеграционные программы по изучению финского и шведского языков, профессиональной переподготовке и т.п.

На индивидуальном уровне существуют пособия по интеграции после согласования индивидуальной интеграционной программы каждого иммигранта [5].

В настоящее время миграционная политика Финляндии претерпевает качественные изменения. Правительство Финляндии представило проект нового миграционного законодательства страны в отношении беженцев 8 декабря 2015 г.

Миграционный кризис оказал существенное давление на финское общество. В 2014 г. в Финляндию приехали 3600 беженцев, а в 2015 г. их число превысило 32 тыс., несмотря на то, что в 2015 году вступило в действие соглашение о перераспределении по всем странам Европейского союза мигрантов, массово въезжающих в Грецию и Италию, и квота Финляндии по соглашению составила 800 человек [6]. Число находящихся на территории Финляндии иностранных граждан за последние годы также неизменно увеличивается. Если в декабре 2013 г. в стране постоянно проживало 208171 иностранцев, то в декабре 2016 г. это число выросло до 244499 человек.

В 2017 г. ряд стран, которые создавали «традиционный трафик беженцев» в Финляндию в последние годы, такие как Афганистан, Ирак, Сомали, признаны «небезопасными». Таким образом, Финляндия пресекла возможность получения убежища гражданами данных государств.

Проведенный опрос среди высококвалифицированных мигрантов в Финляндии показал, что стержень социальных проблем кроется в недостаточном владении финским языком. Выделяют сложности с признанием опыта работы, имеющегося у иностранцев, а

также негативное отношение к иностранным рабочим. Так как значительную часть иммигрантов в Финляндии составляют беженцы и лица, ищущие убежище, то их образовательный и квалификационный уровни в большинстве случаев намного ниже, чем у коренного населения. Это не может не воздействовать на уровень преступности в стране: с момента начала миграционного кризиса в Европе участились случаи насилия и домогательств со стороны представителей иностранных государств.

Дания. Для политической повестки дня современной Дании проблемы миграции и миграционной политики стали одним из главных вопросов. До недавнего времени Королевство было практически мононациональным государством, однако, во второй половине XX в. стало привлекать иностранных мигрантов, выходцев из стран Ближнего Востока.

В настоящее время иммигранты и их потомки составляют 10% от общей численности населения. Официальная статистика Дании включает иммигрантов и их потомков в категорию «иностранцев» независимо от их гражданства.

В 2001 г. в Дании было выдано 6263 разрешений на пребывание в стране лицам со статусом беженца. Однако через полтора десятилетия появились новые тенденции. В 2015 г. 21 тыс. человек в статусе беженцев искали убежища в Дании.

В последние годы страна испытывает явную нехватку высоко- и низкоквалифицированной рабочей силы, что, по прогнозу экспертов, негативно скажется на прямых инвестициях в страну. По заказу министерства финансов было проведено исследование относительно того, какой экономический эффект могла бы принести либерализация миграционного законодательства. Оказалось, что из-за его чрезмерной жесткости государственный бюджет ежегодно недосчитывается около 3 млрд евро, которые могли бы поступить в него в виде налогов от работающих мигрантов.

Вместе с тем, по данным министерства финансов Дании, иммиграция из стран третьего мира стоит датскому казначейству более 30 млрд датских крон или 4 млрд евро в год, что стимулирует ужесточение миграционной политики.

В начале 2018 г. правительство Дании во главе с представителем консервативно-либеральной партии Venstre Ларсом Локке Расмуссеном представило радикальный план по борьбе с иммигрантскими гетто. Его необходимость объяснили тем, что из 5,8 млн человек, которые сегодня живут в Дании, более 500 тыс. (или 8,5%) составляют мигранты из неевропейских стран – две трети их приходится на Турцию, Сирию, Ирак, Ливан, Сомали и Пакистан. Датскому правительству удалось принять план, и 1 июля 2018 г. он вступил в силу. Инициаторами проекта было обещано, что реализация «полностью сведет на нет существование гетто» в Дании уже к 2030 г.

В феврале 2019 г. парламент Дании (Фолькетинг) принял пакет законов, который предусматривает ряд мер по ужесточению миграционной политики. Новые законы по миграционной политике также именуется «сменой парадигмы». Если с начала миграционного кризиса в Европе весь законотворческий процесс был направлен на политику интеграции мигрантов, то в настоящее время акцент смещен на скорейшее возвращение беженцев в свои страны.

По мнению Фрэнсиса Фукуямы, растущее число мигрантов в Дании может стать причиной социальных и политических кризисов [7]. Молодежные банды, наркотики, организованные бандами, насильственные нападения вызвали общественную тревогу. Даже несмотря на строгие ограничительные меры со стороны правительства уровень преступности среди мигрантов выше среднего по стране более чем на 70%, а количество преступлений сексуального характера наряду со Швецией — самый большой в Европе [8]. Несмотря на то, что Дания демонстрирует наиболее эффективную модель управления миграционной политикой, прибегая к жесткому контролю над миграцией, правительство использует провокационные методы борьбы с миграционными потоками, начиная с манипуляций через СМИ, заканчивая принятием нормативно-правовых актов, которые граничат с нарушением человеческих прав. Это способствует формированию в среде датского общества ксенофобии и расистских настроений.

Таким образом, миграционная ситуация в двух странах Северной Европы, с одной стороны, определяется потребностью экономики в демографических ресурсах, как правило, квалифицированной рабочей силы, с другой, миграционным кризисом, результатом которого становится ужесточение миграционного законодательства.

Список литературы

1. Тарса Е. Иммигранты в Финляндии // Venäjän kauppatie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kauppatie.com/2014/11-2014/rus-2.shtml> (дата обращения: 14.10.2019).
2. Official Statistics of Finland (OSF): Preliminary population statistics [e-publication]. June 2019, Appendix figure 4. Immigration by quarter 1997–2018 and preliminary data 2019 . Helsinki: Statistics Finland [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat.fi/til/vamuu/2019/06/vamuu_2019_06_2019-07-25_kuv_004_en.html (дата обращения: 24.10.2019).
3. Act on Integration of Immigrants and Reception of Asylum Seekers (1999) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990493.pdf> (дата обращения: 19.10.2019).

4. AliensAct (2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf> (дата обращения: 19.10.2019).
5. Денисов А.Н., Голованов М.О. К вопросу о миграционной политике как составляющей Национальной политики Финляндии [Электронный ресурс]. URL: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2017/05/Denisov_statya_Finlyandia.pdf (дата обращения: 14.10.2019).
6. Страны ЕС пришли к согласию по поводу распределения мигрантов и беженцев // Yle Uutiset [Электронный ресурс]. URL: <https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/8105995> (дата обращения: 14.10.2019).
7. Troels Heeger. Francis Fukuyama: Voksende antal indvandrere i Danmark kan udløse sociale og politiske kriser // Berlingske [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/debatinterview/francis-fukuyama-voksende-antal-indvandrere-i-danmark-kan-udloese> (дата обращения: 24.10.2019).
8. Denmark Statistical Yearbook 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dst.dk/en/Statistik/Publikationer/VisPub?cid=22257> (дата обращения: 25.10.2019).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В ГЕРМАНИИ

©2019 г. *А.А. Мамедов*

Сыктывкарский государственный университет

mamedov.alihan@yandex.ru

Мировым трендом в энергетической отрасли является переход на экологически чистые источники энергии. Германия, одна из наиболее развитых стран мира, до 40 % энергии для своих нужд покрывает с помощью альтернативных источников. С одной стороны, такая энергетическая политика, по уверению правительства, привела к уменьшению вредных выбросов в атмосферу. С другой стороны, цены на электроэнергию в Германии в данный момент одни из самых высоких по Евросоюзу. Данная статья делает попытку проанализировать вышеупомянутые и иные последствия программы «энергетического поворота» в Германии в сферах экологии и экономики.

Ключевые слова: энергетический поворот, возобновляемые источники энергии, электрическая энергия

В мире существует устойчивый тренд на переход к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), на который правительства множества стран и крупные корпорации тратят большие средства. По некоторым оценкам, к 2030 г. возможно получение до 80% энергии из ВИЭ, если все страны мира примут решение перейти на ВИЭ [1, с. 26]. По данным специализированного статистического обзора мировой энергетики за 2018 г. доля ВИЭ составляет 25% в мировой генерации.

Очень богатая история у «зелёного движения» и перехода на ВИЭ в Германии: из отдельных политических акций и разрозненных гражданских объединений в 1970-х гг., в 1980-х гг. они становятся серьёзной силой, получая более 8% голосов на национальных и европейских выборах [2, с. 61], а в 1990-х гг. с принятием закона «О подаче электроэнергии из возобновляемых источников» (Gesetz über Einspeisung von Strom aus erneuerbaren Energien in das öffentliche Netz) забота об экологии и развитие ВИЭ вошли в официальный курс немецкого правительства. Полномасштабный энергетический поворот (Energiewende), уход от атомных и традиционных тепловых электростанций был спровоцирован аварией в Фукусиме 11.03.2011 г. [3].

Данная статья делает попытку проанализировать последствия программы «энергетического поворота» в Германии в сферах экологии и экономики. В теории, ВИЭ представляют собой источник энергии будущего по нескольким причинам. Во-первых, они являются фактически бесконечными, т.к. пока будут сиять солнце и дуть ветер, энергия будет доступна для получения из двух наиболее активно развивающихся источников. Во-вторых, в отличие от классических тепловых электростанций, ветряные и солнечные в ходе работы не выделяют CO₂ и других парниковых газов. Наконец, доступность: ветряные и солнечные установки могут эксплуатироваться в регионах с затруднённым доступом к углеводородам.

Государственная энергетическая политика Германии складывается из трёх основных приоритетов: надёжность энергообеспечения, конкурентоспособность и соответствие нормам охраны окружающей среды. В рамках Энергетического поворота главным образом закрывается потребность в уменьшении вредных эмиссий от производства энергии. К 2019 г. 39% спроса на электричество в ФРГ удовлетворяется с помощью ВИЭ [4].

Несмотря на радужные перспективы дешёвой и безвредной генерации в будущем, сегодня энергетический поворот не оправдывает ожиданий, расходы на ВИЭ «абсолютно не соответствуют результатам» [3]. В 2004 г. предполагалось, что переход к низкоуглеродной экономике в среднем обойдётся каждому домохозяйству в 1 евро в месяц, «в стоимость одной порции мороженого» [5]. В докладе немецкого аналитического центра говорится, что к 2016 г. уже было потрачено 150 млрд евро, а к 2025 г. эта сумма увеличится до 500 млрд (что в пересчёте на мороженое будет означать ежедневную покупку одной порции) [6].

Большие расходы связаны с тем, что параллельно существуют две системы обеспечения энергией. Эксперты журнала *Spiegel* связывают этот факт с нежеланием правительства договариваться или принимать окончательное решение в условиях конкурирующих интересов министерств экономики и экологии (уровень производства и занятости против чистоты окружающей среды) [3]. Всё осложняется борьбой с протестами граждан, которые недовольны постройкой возле их домов силовых кабелей, необходимых для передачи энергии от ветряных установок с севера на юг страны.

В аналитической статье о пределах энергетической революции президент Института экономических исследований Ханс-Вернер Зинн пишет, что основным препятствием для ухода от традиционных видов топлива является волатильность ветряных и солнечных источников энергии. Эти ВИЭ производят электричество неравномерно, причем разница проявляется не только в течение суток, но в течение целых сезонов, а накопление энергии для её использования в моменты наибольшего спроса

сегодня представляется фантастической задачей [7, р. 136]. Похожие взгляды высказывают эксперты Spiegel во второй части статьи об энергетическом повороте. По их мнению, Германия загнала себя в тупик, привыкнув к использованию двух систем параллельно [8].

По данным Евростата, в Германии электрическая энергия гражданам предоставляется по рекордно высоким ценам (30,5 евроцентов), уступая в цене только другой стране, ориентированной на максимальное увеличение доли ветряных и солнечных ИЭ — Дании (31,3 евроцента) [9]. Немецкий аналитический центр подтверждает, что тариф обусловлен не только общемировым трендом на удорожание углеводородного сырья, но и внедрением ВИЭ [10].

Единого мнения по дальнейшему изменению тарифов на электричество нет. Международная консалтинговая компания Oliver Wyman предполагает, что к 2022 г. цена за мегаватт энергии вырастет более чем в половину, а также увеличится риск дефицита электричества [11]. Противоположный прогноз у исследовательского центра Agora Energiewende: удешевление тарифов после отказа от угля [12].

Есть ли положительное влияние на экологию? Если кратко, то очень незначительное, во всяком случае, сейчас [5]. Проанализировав график Федерального ведомства по охране окружающей среды, можно понять, что в 2018 г. по сравнению с 2017 г. выброс парниковых газов в эквиваленте углекислого снизился на 41 млн тонн [13]. Но только 14 % приходится на энергетическую сферу, что может быть объяснено тёплой погодой и высокими ценами на нефть [14].

По данным НКО Germanwatch, составляющей индекс выполнения обязательств по смягчению последствий климатических изменений, Германия за год ухудшила свои показатели и опустилась в индексе на 5 строчек вниз [15].

Энергетический поворот в Германии ставил перед собой благоую и амбициозную цель ухода от угля и атомных станций с целью уменьшить выбросы парниковых газов и обеспечить энергетическую безопасность. Однако процесс перехода на сегодняшней его стадии явился причиной рекордно высоких по ЕС тарифов на электричество для граждан и предприятий и незначительного уменьшения количества вредных эмиссий.

Список литературы

1. Белицкий А.А. Курс на возобновляемые источники энергии // Вестник науки и образования. 2019. № 1–2 (55). С. 26–28.
2. Друэ М.В. «Энергетический поворот» в Германии: трансформация из формы социально-политических движений во второй половине XX века в основу

государственной политики в области энергетики в начале XXI века // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. № 3. С. 58–66.

3. Dohmen F., Jung A., Schultz S., Traufetter G. German Failure on the Road to a Renewable Future // Der Spiegel. 13.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/german-failure-on-the-road-to-a-renewable-future-a-1266586.html> (дата обращения: 12.01.2020).

4. Zahl der Woche. Halbjahres-Rekord: Erneuerbare Energien decken 44 % // Bundesverband der Energie- und Wasserwirtschaft. 26.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bdew.de/presse/presseinformationen/zahl-der-woche-halbjahres-rekord-erneuerbare-energien-decken-44/> (дата обращения: 12.01.2020).

5. Becker A. German issues in a nutshell: 'Energiewende' // Deutsche Welle. 09.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/german-issues-in-a-nutshell-energiewende/a-38869543> (дата обращения: 12.01.2020).

6. EEG & Co. treiben Energiewendekosten auf 520 Milliarden Euro// Initiative Neue Soziale Marktwirtschaft. 10.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insm.de/insm/presse/pressemitteilungen/pressemitteilung-studie-eeeg> (дата обращения: 12.01.2020).

7. Sinn H. Buffering volatility: A study on the limits of Germany's energy revolution // European Economic Review. 2017. № 97. P. 130–150.

8. Dohmen F., Jung A., Schultz S., Traufetter G. German Failure on the Road to a Renewable Future // Der Spiegel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/german-failure-on-the-road-to-a-renewable-future-a-1266586-2.html> (дата обращения: 25.12.2019).

9. Energy prices in the EU 2018 // Eurostat. 19.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/energy-prices-2018/> (дата обращения: 25.12.2019).

10. EU household electricity prices increase in second half of 2018, slight decrease in Germany// Clean Energy Wire. 21.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org/news/eu-household-electricity-prices-increase-second-half-2018-slight-decrease-germany> (дата обращения: 25.12.2019).

11. Germany's power prices could rise significantly due to coal exit – consultancy// Clean Energy Wire. 14.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org/news/germanys-power-prices-could-rise-significantly-due-coal-exit-consultancy> (дата обращения: 25.12.2019).

12. Germany's coal exit likely to lower industry power prices – study// Clean Energy Wire. 12.08.2019 [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.cleanenergywire.org/news/germanys-coal-exit-likely-lower-industry-power-prices-study> (дата обращения: 25.12.2019).

13. Indicator: Greenhouse gas emissions // Umwelt Umbesamt. 25.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.umweltbundesamt.de/en/indicator-greenhouse-gas-emissions#textpart-1> (дата обращения: 25.12.2019).

14. Germany's greenhouse gas emissions and climate targets // Clean Energy Wire. 07.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org/factsheets/germanys-greenhouse-gas-emissions-and-climate-targets> (дата обращения: 25.12.2019).

15. Climate protection: Germany falls farther behind // Deutsche Welle. 10.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/climate-protection-germany-falls-farther-behind/a-46669231> (дата обращения: 25.12.2019).

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

©2019 г. *М.А. Бывальцев*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mab_1477@yahoo.com

Даётся введение в политический феномен западноевропейского правого популизма. Рассматривается его значение в качестве жизнеспособной политической силы, бросающей вызов сформировавшемуся политическому истеблишменту и его базовым идеалам. Уделяется внимание ключевым особенностям правопопулистской идеологии. Описывается политический и социально-экономический контекст, который детерминировал рост политического значения правых популистских партий.

Ключевые слова: популизм, ультраправые, национализм, евроскептицизм, новые левые, глобализация, неолиберализм.

Рост правого популизма, его становление в качестве жизнеспособной политической альтернативы являются одной из наиболее животрепещущих тем, стоящих на политической повестке дня в странах Западной Европы. Хотя западноевропейский популизм является более широким феноменом, включающим в себя и левый популизм, представленный такими партиями как Podemos в Испании и Die Linke в Германии, именно популизм правого толка встретил наиболее жесткое противодействие со стороны политического, медийного и академического мейнстрима.

В наиболее яркой форме идеологические противоречия между истеблишментом и правыми популистами были высказаны Эммануэлем Макроном в его речи в честь столетия окончания Первой мировой войны: в ней он противопоставлял национализму патриотизм, под которым он понимал «видение Франции как щедрой нации, Франции как проекта, Франции как носителя универсальных ценностей», которое он рассматривал как прямую противоположность лежащего в основе национализма «эгоизма нации, заботящейся только о своих интересах» [1]. Неприятие правого популизма характеризует и правое крыло политического истеблишмента. За океаном рупор американского правого центра National Review в 2017 г. призывал американских консерваторов поддерживать Макрона против «социалистки» Ле Пен [2], а Гарри Каспаров на конференции Reawakening the Spirit of Democracy в марте 2019 г. взывал к единству левого и правого центра в противодействии угрозе либеральной демократии со стороны как правых, так и

левых популистов [3].

Рост правого популизма был обусловлен совокупностью тесно связанных факторов. Социальные изменения, следующие из структурных изменений в экономике, лежащих в основе перехода к постиндустриализму, выразились, среди прочего, в растущей маргинализации рабочего класса [4, р. 36]. Глобализация, одним из проявлений которой был офшоринг производств в развивающиеся страны, повлекла за собой социальную дезадаптацию представителей этого класса, вынужденных переквалифицироваться в низкооплачиваемых сервисных работников [5, р. 182].

Ещё более релевантным для роста обсуждаемой идеологии аспектом глобализации стала массовая иммиграция из стран «третьего мира». Её первая волна в середине XX в. была связана с трудовой миграцией – известными примерами этого процесса является миграция выходцев из карибских колоний и стран Содружества наций в Великобританию во время действия British Nationality Act 1948 г. [6, р. 68] и миграция в Германию в рамках Gastarbeiterprogramm [7, р. 92]. В дальнейшем, вызвавшие приток беженцев военные и политические конфликты [8, р. 691] и объединение семей уже прибывших мигрантов [9, р. 936] стали важнейшими факторами, стимулирующими дальнейшую миграцию.

В конце XX в. левоцентристские партии активно смещали свои экономические позиции в сторону неолиберализма, что не позволило им капитализироваться на недовольстве слоев населения, понесших потери в результате этих процессов. Хрестоматийным примером является пришедший на годы лидерства Тони Блэра и Гордона Брауна в британской Лейбористской партии период Нового лейборизма [10, р. 159]. В Италии влияние неолиберальных идей на местных левых имеет свои корни ещё в 1960-х гг.: так, в 1964 г. группой бывших членов ИКП при поддержке Конфиндустрии был создан Centro Studie Ricerche sui Problemi Economico-Sociali, сплотивший вокруг себя значительное число антикоммунистических левых интеллектуалов [11, р. 343]. В 1992 г. вследствие коррупционного скандала, получившего название «Танджентополи», расформировались основные политические партии страны, и место ИКП заняла «Демократическая партия левых сил», которая в правительстве Романо Проди поддерживала меры строгой бюджетной экономии и приватизацию [12, р. 450].

Но наиболее фундаментальное значение в потере левыми силами их традиционной социальной базы имела их трансформация, обусловленная влиянием новых левых. Ассоциированные с последними так называемые Новые социальные движения 1960-х и 1970-х гг., требования которых были инкорпорированы в платформы левых партий, выражали культурные ценности, которые входили в противоречие с таковыми рабочего класса, но находили отклик у образованных слоев населения. Социолог Талкотт Парсонс использует понятие «образовательная революция» для обозначения экспансии высшего

образования во второй половине XX в., результатом которой стал новый вид социально-политического размежевания, базирующийся на уровне образования [13, p. 192]. Таким образом, традиционные политические противоречия, касающиеся распределения ресурсов, уступили место размежеванию, в основе которого был конфликт либертарно-универсалистских и коммунитарно-традиционалистских ценностей [14, p. 420].

Важным фактором была нежелание правого центра ответить на вызов, брошенный повесткой новых левых. Так, победившая на выборах 1991 г. в Швеции правоцентристская коалиция предоставила беженцам постоянное место жительства, а в 2008 г. правоцентристское большинство упростило трудовую миграцию из стран, не входящих в ЕС, в обоих случаях при оппозиции Социал-демократической партии [15, p. 586].

В идеологии европейских правопопулистских партий ключевую роль играет сочетание евроскептицизма (интересен тот факт, что многие из этих партий выражали проевропейские позиции до подписания в 1992 г. Маастрихтского договора) и антиглобализма [16, p. 80], которое отличает их от популистов слева, среди которых преобладают еврокритические и альтерглобалистские настроения. Так, опросы показали, что в то время как сторонников Podemos роднит со сторонниками Национального фронта, UKIP и FPÖ недоверие к Европарламенту, между первыми и вторыми наблюдается выраженное расхождение в вопросе европейской унификации [17].

В повестке современных правых популистов центральное значение придается оппозиции мультикультурализму. Избегая открыто расистской риторики, они подчеркивают культурные и религиозные отличия, уделяя особое внимание критике ислама [18, p. 369]. Отношение Запада и ислама рассматривается ими сквозь призму теории «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона [19, с. 747]. Критикуя ислам, некоторые правые популисты выступают с позиций социокультурного либерализма, что наиболее ярко проявилось во взглядах голландского политика Пима Фортейна [20, p. 341]. Антиисламские взгляды правых популистов связаны с поддержкой значительной частью из них Израиля в арабо-израильском конфликте [21, p. 26]. Произраильские позиции наиболее четко артикулируются голландской Партией свободы [22, p. 279] и норвежской «Партией прогресса» [23, p. 72]. В последнем случае, подобные взгляды во многом связаны с существованием в Норвегии значительного количества евангельских христиан, являющихся важной частью электората этой партии [24, p. 123].

При всей оппозиции правых популистов евроинтеграции, представляется разумным рассматривать их не как политическую силу, стремящуюся вернуть status quo ante, предшествующий произошедшим в Европе интегративным процессам, но как общеевропейское движение, предоставляющее альтернативное мультикультурализму видение Европы наций, входящих в единое цивилизационное пространство,

дифференцирующее их от культурно «других».

Список литературы

1. Emmanuel Macron. Commemoration of the centenary of the Armistice // Permanent mission of France to the United Nation in New York [Электронный ресурс]. URL <https://onu.delegfrance.org/Emmanuel-Macron-s-speech-at-Commemoration-of-the-centenary-of-the-Armistice> (дата обращения: 11.11.2019).
2. Rogan T. French Election: American Conservatives Should Support Macron // National Review. 24.04.2017.
3. Wu J. Conference explores threats to liberal democracy // The Johns Hopkins News-Letters. 28.03.2019.
4. Simmons R., Thompson R., Russel L. Education, Work and Social Change: Young People and Marginalization in Post-Industrial Britain. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 257 p.
5. Lloyd A. Labour Markets and Identity on the Post-Industrial Assembly Line. Farnham: Ashgate, 2013. 204 p.
6. Hansen R. The Politics of Citizenship in 1940s Britain: The British Nationality Act. // Twentieth Century British History. 1999. Vol. 10. Issue 1. P. 67–95.
7. Chin R. The Guest Worker Question in Postwar Germany. New York: Cambridge University Press, 2007. 294 p.
8. Bank R. Forced Migration in Europe // The Oxford Handbook of Refugee and Forced Migration Studies / Eds. Fiddian-Qasmiyeh, E., Loescher G., Long K., Sigona N. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 690–702.
9. Ruffer G. B. Pushed Beyond Recognition? The Liberality of Family Reunification Policies in EU // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37. Issue 6. P. 935–951.
10. Reitan E. A. The Thatcher Revolution: Margaret Thatcher, John Major, Tony Blair, and the Transformation of Modern Britain, 1979–2001. Lanham; Rowman and Littlefield Publishers, 2003. P. 175–196.
11. Masini F. Tracing neoliberalism in Italy; intellectual and political connections // The European Journal of the History of Economic Thought. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 327–351.
12. Cozzolino A., Giannone D. State Transformations and Neoliberalization in Italy; A Critical Discourse Analysis of Governments' Political Economy, 1988–2009 // New Political Science. 2019. Vol. 41. Issue 3. P. 443–458.
13. Parsons T. The Evolution of Societies. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977. 269 p.

14. Bornschieer S. The New Cultural Divide and the Two-Dimensional Political Space in Western Europe // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. Issue 3. P. 419–444.
15. Hinnfors J., Spehar A., Bucken-Knapp G. The missing factor: why social democracy can lead to restrictive immigration policy // *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19. Issue 4. P. 585–603.
16. Startin N. 'Euromondialisme' and the Growth of the Radical Right // *The Routledge Handbook of Euroscepticism* / Eds. Leruth B., Startin N., Usherwood, S. Abingdon: Routledge, 2018. P. 75–85.
17. Ramos M., Cornago L. Spanish Disaffection with EU: is Podemos Eurosceptic? // *Politikon*. 29.12.2016.
18. Yilmaz F. Right-wing hegemony and immigration: How the populist far-right achieved hegemony through the immigration debate in Europe // *Current Sociology*. 2012. Vol. 60. Issue 3. P. 368–381.
19. Бышок С. О. Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 745–754.
20. Akkerman T. Anti-immigration parties and the defense of liberal values: The exceptional cause of the List Pim Fortuyn // *Journal of Political Ideologies*. 2005. Vol. 10. Issue 3. P. 337–354.
21. Shroufi O. The Gates of Jerusalem: European revisionism and the populist radical Right // *Race & Class*. 2015. Vol. 57. Issue 2. P. 24–42.
22. Wertheim D. J. Geert Wilders and the Nationalist-Populist Turn Toward the Jews in Europe // *The Jew as Legitimation: Jewish-Gentile Relations Beyond Antisemitism and Philosemitism*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 275–289.
23. Pace M. Norway's ambiguous approach towards Israel and Palestine // *Global Affairs*. 2018. Vol. 4. Issue 1. P. 65–76.
24. Bangstad S. Anders Breivik and the Rise of Islamophobia. London: Zed Books, 2014. 304 p.

ВЛИЯНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ПОСТАВКЕ С-400 И ФОРМИРОВАНИЯ ЗОН БЕЗОПАСНОСТИ В СИРИИ НА ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

©2019 г. *К.Д. Бацекало*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Vasekallo@gmail.com

Представлен анализ ситуации в регионе Ближнего Востока, связанной с заключением договора о поставке оружия Россией Турции, и ответной реакцией Соединённых Штатов Америки на данное соглашение. Рассмотрен вопрос о создании зон безопасности в Сирии. На основе анализа ситуации с формированием сирийских зон безопасности и соглашения о поставках С-400 автор оценивает возможные последствия сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Ближний Восток, поставка ЗРК С-400, зоны безопасности, Турция и Россия, Турция и США, соглашение, военные конфликты, санкции США, политика национальной безопасности.

Актуальнейшим на данный момент вопросом ближневосточной повестки дня является приобретение Турцией ЗРК С-400 у Россией и весьма нервная реакция Соединённых Штатов Америки на эти действия. Для того, чтобы лучше разбираться в сложившейся, и, что более важно, продолжающейся складываться прямо сейчас ситуации, необходимо понять, с чего всё началось.

Турция традиционно считает себя региональным лидером на Ближнем Востоке ввиду ослабления Сирии (гражданская война) и Египта (нестабильность и перевороты). И, как следствие, она пытается выстраивать собственную, независимую от НАТО политику, что, естественно, не может устраивать НАТО в целом и США в частности. На данный момент эта политика является в какой-то степени отголоском доктрины «Ноль Проблем с Соседями» далекого 2008 г. и представляет собой желание «усидеть на двух стульях».

Примером подобной политики и является военное сотрудничество с Россией и последующий договор о закупке С-400. Кроме того проблема во взаимоотношениях Турции и США связана с тем, что США оказывает помощь «Демократическим силам Сирии», 80% которых составляют Отряды Народной Самообороны Курдов. Эти отряды Турция считает террористическими, и это тоже является причиной усиления взаимоотношений с Россией, а не с США. В итоге это привело к тому, что конгресс США

планирует угрожать Турции санкциями за покупку российских зенитных ракетных комплексов С-400, и именно об этом заявил Дональд Трамп Эрдогану на их встрече в Белом доме 13 ноября 2019 г. [1].

Но президент США так же предложил (ещё до встречи) в своем письме Эрдогану пакет мер для улучшения отношений между странами [2]. Речь идет о заключении торгового соглашения на \$100 млрд и варианте обхода санкций в связи с покупкой Турцией российской зенитной ракетной системы С-400. В обмен на это торговое соглашение Анкара должна пересмотреть свою политику в Сирии, а также решить вопрос по С-400 в пользу США.

Однако Турция не собирается отказываться от российских ЗРК в пользу американских Patriot [3]. И уже это заявление, не считая всех остальных событий, заявлений и поступков, позволяет Турции ещё раз продемонстрировать, в определенной степени, свою самостоятельность в принятии важнейших внешнеполитических решений, и её авторитет среди арабских государств продолжает расти. Таким образом, можно сказать, что политика США сыграла Анкаре на руку.

Но не забываем и о желании «усидеть на двух стульях». Анкара продолжает придерживаться принципов партнерства и намерена вести диалог как с американской, так и с российской стороной. И более того, Эрдоган готов приобрести американские «Патриоты», но не вместо российских С-400 [4].

Эти события позволяют сделать нам вывод, что Вашингтон теряет свою способность влиять на действия Анкары. И при этом он не может эту способность восстановить, что и показывает предложение Трампа по улучшению отношений между странами с помощью заключения торгового соглашения и варианта обхода санкций со стороны НАТО, несмотря на то, что данное предложение наверняка привело в ярость некоторых представителей Конгресса, проголосовавших в прошлом месяце за введение санкций против Турции в связи с началом военных действий на территории Сирии.

Почему же Вашингтон не способен надавить на Турцию и продиктовать свои условия? Многие эксперты, например аналитик из Университета Южной Каролины Али Демирдас, считают, что сделать это уже слишком поздно [5]. Анкара не только прочно укрепила в своих решениях, но и знает, насколько важна её роль в рамках военно-политического сотрудничества: США могут многое потерять, если они лишатся Турции – второго по величине члена НАТО. Это может означать завершение американского геополитического присутствия на Ближнем Востоке, учитывая растущее российское влияние. Если Вашингтон продолжит карательные меры, Турция может пересмотреть отношение к американскому военному присутствию на своей территории. Это означало

бы конец НАТО, каким мы его знаем. Это слишком дорогая цена для Запада, и Анкара прекрасно осознаёт это.

Ещё одна проблема, являющаяся одной из ключевых для политики национальной безопасности Турецкой Республики это формирование зон Безопасности на северо-восточной границе Сирии, примыкающей к Турции.

Турция пытается создать зону безопасности ещё с 2012 г., однако по ряду причин эта задумка не была осуществлена [6]. Основная цель Анкары состояла в том, чтобы создать убежище для жителей северных районов этой арабской республики. Это остановит приток большого количества беженцев в саму Турцию и смешавшихся с ними членов радикальных террористических организаций, в огромном количестве на территории в Сирии в годы гражданской войны. Одним словом, Турция пытается предотвратить негативные последствия сирийского кризиса.

Однако её союзники, в частности Соединённые Штаты, никогда не принимали во внимание проблемы безопасности Анкары. США предпочли не поддерживать Турцию в её попытках принять необходимые меры против «террористических групп» в Сирии, ведь у Турции и США разные, в основном противоречивые, политические предпочтения в вопросе создания зоны безопасности на северо-востоке Сирии. Турция хотела создать 30-километровую зону под своим исключительным контролем и нейтрализовать Отряды народной самообороны курдов, угрожающие её национальной безопасности. А США предлагала зону шириной всего 14 километров при совместном американо-турецком патрулировании и стремятся сохранить Отряды в качестве активного участника в своей борьбе против ИГИЛ. Только в середине октября 2019 года Турция договорилась с США о создании контролируемой ее войсками зоны безопасности на границе с Сирией, но уже глубиной в 32 километра и протяженностью в 444 километра. И хотя письменная договоренность с США относительно зоны безопасности отсутствует, по словам советника президента Турции Ясина Актая, это не означает несогласие по этому поводу или по поводу содержания договоренности. В зону безопасности полностью войдет восток Евфрата, в частности, провинции Эр-Ракка и Дейр-эз-Зор.

«Достигнутое с американцами соглашение ясное, вооруженные силы Турции будут осуществлять контроль над зоной безопасности, глубину и протяженность которой определит Турция», – таковы официальные слова советника [7].

Подводя итоги, можно сказать, что формирование Зоны Безопасности на Севере Сирии облегчит положение Турции – приток большого количества беженцев в страну замедлится, а значит, замедлится и приток возможных террористических организаций. Таким образом, создание Зоны Безопасности положительно скажется на политике национальной безопасности Турции – уменьшение количества беженцев в крупных

городах приведёт к снижению социальной напряженности, повышению стабильности в государстве и усилению поддержки Эрдогана. С другой стороны, Анкара получит возможность нейтрализовать Курдские Отряды народной самообороны, если соглашение действительно будет включать в себя контроль территории только Турецкой стороной.

Вновь поднимая вопрос о соглашении по поставке С-400 и всех недавних событиях, Турция сможет меньше внимания уделять политическим настроениям внутри страны, ведь благодаря своим недавним независимым внешнеполитическим действиям Анкара завоевала ещё больший авторитет не только у Арабских стран, но и у собственного населения, что показывает прочную взаимосвязь внешней и внутренней политики страны. Эрдоган пытается следовать идее Турции как великой державы и идти по стопам Кемаля Ататюрка.

Список литературы

1. Сенаторы США намерены рассмотреть вопрос о санкциях, если Турция оставит у себя С-400 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7132883> (дата обращения: 15.11.2019).
2. Трамп предложил Эрдогану вариант обхода санкций из-за покупки С-400 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4156449> (дата обращения: 13.11.2019).
3. Эрдоган исключил отказ Турции от С-400 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191114/1560941290.html> (дата обращения: 14.11.2019).
4. Эрдоган рассказал о сделке по С-400 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/11/14/12813218.shtml> (дата обращения: 14.11.2019).
5. Эксперты предположили, чего ждать от встречи Трампа и Эрдогана [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/weapon/43153174-eksperty-predpolozhili-chego-zhdai-ot-vstrechi-trampa-i-erdogana/> (дата обращения: 13.11.2019).
6. Зона безопасности на северо-востоке Сирии — взгляд из Анкары [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/07/zona-bezopasnosti-na-severo-vostoke-sirii-vzglyad-iz-ankary> (дата обращения: 15.11.2019).
7. Турция уточнила, какие границы зоны безопасности в Сирии согласовала с США [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191019/1559987449.html> (дата обращения: 14.11.2019).

ДИНАМИКА ПРОБЛЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С НАТО В РАМКАХ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

©2019 г. *Е.А. Козуб*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

katya-kozub@yandex.ru

В статье рассматривается история взаимодействия Турецкой республики с союзниками по НАТО в рамках Сирийского конфликта. Автор обращает внимание на факторы, повлиявшие на снижение уровня доверия между членами Североатлантического альянса во взаимодействии по Сирии. На основании исследования сделан вывод о значимости Турции, как единственного азиатского участника, для НАТО.

Ключевые слова: Турция, НАТО, сирийский кризис, сотрудничество, сирийские курды, Международная коалиция

Исторически Турция является не только одним из самых значимых государств-членов НАТО в военно-политической сфере, но и представляет собой активного участника в разрешении ближневосточных кризисов.

Начало гражданской войны в Сирии оказалось самым серьёзным вызовом турецкой внешней политики из числа процессов, протекающих на Ближнем Востоке. Как известно, САР можно назвать ярким примером политики «ноль проблем с соседями», которую Турция пыталась проводить в отношении окружающих её стран [1]. Тем не менее, данная турецкая политика в отношении ситуации в Сирии не сработала. Как только начались беспорядки, Эрдоган ежедневно совершал звонки Башару Асаду с призывами проведения крупных реформ. Однако спустя некоторое время произошло ухудшение двусторонних отношений, и правительство Турции искало повод для вступления в сирийский конфликт, но сделать это без поддержки НАТО не могла. Таким поводом стал инцидент, произошедший 3 октября 2012 г., когда с сирийской территории был выпущен артиллерийский снаряд, упавший в турецкой провинции Шанлыурфа [2]. В результате этого происшествия, Советом НАТО на экстренном заседании была одобрена поддержка Турции, а Эрдоган получил мандат, согласно которому Турция смогла проводить трансграничные армейские операции.

Уже 4 декабря 2012 г. Турция заручилась поддержкой от своих западных союзников по НАТО в вопросе развёртывания зенитных комплексов «Patriot» на своей

территории в качестве обороны от сирийской угрозы. Совместные действия Турции с государствами-членами североатлантического альянса, связанные с Сирийским кризисом начались уже в 2013 г., когда с 26 января по 15 февраля произошла установка батарей «Patriot» в Адане, Газиантепе и Кахраманмараше представителями Германии, Нидерландов и США [3]. Как известно, члены НАТО, в том числе Турция, готовили операцию в Сирии (без согласования с СБ ООН), а поводом к этому послужили сообщения СМИ об использовании химического оружия режимом Б. Асада. Однако, благодаря правильным дипломатическим действиям России, удалось достигнуть соглашения с США 14 сентября 2013 г., которое предотвратило вторжение в Сирию.

Как известно, в сентябре 2014 г. произошло формирование международной коалиции во главе с США, в которую вошла часть стран-членов НАТО. Определяя себя как «Активного участника Международной Коалиции», Турция заявляла о своём вкладе в деятельность Коалиции [4]. При этом МИД Турции ссылаясь на статью 51 Устава ООН, оправдывая удары Вооружённых сил государства по Сирии, начавшиеся 24 июля 2015 г. [5]. Разногласия во взаимоотношениях Турции с НАТО по Сирии начались, когда западные союзники отказались поддержать турецкое правительство в атаках на Асада в ответ на поддержку Турцией инициативы НАТО по формированию бесполётной и буферной зон. Также, стоит отметить, что одним из факторов снижения взаимодействия в Сирии между Турцией и её союзниками по альянсу, стало возрастание взаимодействия между лидерами России, Турции и Ирана в трехстороннем формате над решением сирийского вопроса с 2016 г., а затем проведение Астанинских переговоров (начиная с января 2017 г.) [6, с. 178]. Несмотря на противоречия во взглядах в сфере урегулирования сирийского кризиса, лидерам России, Турции и Ирана удавалось успешно взаимодействовать с самого начала, то есть учитывались интересы всех сторон, чего нельзя сказать о взаимодействии Турции с партнёрами по Североатлантическому альянсу.

Важно отметить, что с 2016 г. Турция продолжает проводить активную деятельность в Сирии, но не как член НАТО, а именно как самостоятельный региональный актор. Примерами этому может послужить военная операция «Щит Евфрата», проводившаяся с августа 2016 по март 2017 гг., целью которой была борьба с ИГИЛ¹ и «террористическими группировками сирийских курдов, угрожающих Турции» или же операция «Оливковая ветвь» (январь – март 2018 г.), целью которой было вытеснение курдских вооружённых формирований (YPG, YPJ) с территории Африна (западная часть Сирийского Курдистана), а также формирование буферной зоны на границе с Сирией.

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Правительство Турции начиная с 2017 г. всё чаще стало обвинять своих западных союзников по НАТО в сотрудничестве с террористами, под которыми оно подразумевало воюющие против ИГ в Сирии отряды сирийских курдов [7]. Турцией они рассматриваются в качестве ответвления Рабочей партии Курдистана (далее – РПК), которая признана террористической как в Турции, так и в НАТО. Несмотря на данный факт, западные союзники Турции проигнорировали доказательства о связях с РПК, в результате, отряды сирийских курдов получали от Пентагона оружие ещё с мая 2016 г. [8]. Руководство НАТО объясняло данный факт тем, что сотрудничество с сирийскими курдами является ключевым элементом в борьбе против ИГ, что вызвало негативную реакцию среди официальных лиц Турции, за которой также последовали призывы покинуть НАТО от депутатов правящей партии [9, с. 8].

Стоит упомянуть тот факт, что проблемы с согласованием действий по Сирии существуют не только у Турции с союзниками по НАТО, но и в рамках самого альянса, что вызывает рост недоверия к организации со стороны стран региона, а также является показателем отсутствия единства.

Неспособность членов НАТО выполнять договорённости подтвердили события октября 2019 г., когда Турция объявила о начале операции «Источник мира» (9–22 октября). Операция вооружённых сил Турции была не только не согласована с союзниками по НАТО, но и в очередной раз стала фактором, влияющим на дестабилизацию взаимодействий по Сирии в рамках самого альянса. Целью операции было создание буферной зоны на севере Сирии, где было бы возможно разместить примерно 2 млн сирийских беженцев, находящихся в Турции [10]. Таким образом, действия Турецкой республики были направлены против YPG – «Отрядов народной самообороны» (вооружённых формирований курдов), которые признана террористическими в Турции, а также против коалиции «Сирийские демократические силы» (СДС), которая финансируется США для борьбы с ИГИЛ. Несмотря на тот факт, что Турция отрицала обстрел позиций американских военных в ходе операции, некоторыми её западными партнёрами по альянсу (Финляндией, Норвегией, Нидерландами и Швецией) обсуждалась возможность о прекращении поставок оружия Турции. Эффективность Североатлантического альянса стоит под вопросом также из-за несогласованного с союзниками вывода войск США с территории Сирии.

Таким образом, как у Турции, так и у её партнёров по Североатлантическому альянсу есть ряд претензий друг другу, а также вопросов, по которым страны придерживаются противоположенных позиций. Турция всё чаще принимает самостоятельные решения и действует исходя из своих интересов на Ближнем Востоке, в частности, в Сирии, не принимая во внимание интересы западных партнёров. На данном

этапе именно НАТО нуждается в Турции, так как это единственный азиатский участник альянса, для Турции же присутствие в альянсе, на наш взгляд, играет всё меньшую роль.

Список литературы

1. Махнёв С.Д. Кризис политического диалога между Сирией и Турцией в период 2011–2014 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17639> (дата обращения: 12.10.2019).
2. Снаряды с территории Сирии упали в турецком городе, 5 человек погибли // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/arab_sy/20121003/765437654.html. (дата обращения: 24.10.2019).
3. NATO Foreign Ministers' statement on Patriot deployment to Turkey // NATO – Official Web Site [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_92476.htm (дата обращения: 27.10.2019).
4. Türkiye'nin Suriye İhtilafına Yaklaşımı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı [Электронный ресурс]. URL: mfa.gov.tr/turkiye-suriye-siyasi-iliskileri-tr.mfa (дата обращения: 24.10.2019).
5. Chapter VII: action with respect to threats to the peace, breaches of the peace, and acts of aggression // Charter of the United Nations [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/sections/un-charter/chapter-vii/index.html> (дата обращения: 24.10.2019).
6. Турция и арабские страны. Ежегодник – 2017: коллективная монография / В.А. Аватков, Д.А. Тарасенко, А.С. Финохин. М., 2018. 178 с.
7. Чулковская Е.Е. Конфликт Турции и НАТО: возможен ли разрыв / Московский центр Карнеги. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71438> (дата обращения: 24.10.2019).
8. Stewart P. U.S. starts providing weapons to Syrian Kurds // Reuters. 30.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-usa-kurds/u-s-starts-providing-weapons-to-syrian-kurds-idUSKBN18Q2AL>.(дата обращения: 25.10.2019).
9. Аватков В., Каширина Т. Тенденции развития современных международных отношений // Научно-аналитический журнал «Обозреватель Observer». 2017. № 11 (334). С. 5–15.
10. Çiftçi C. Barış Pınarı Harekatı: Son Durum Haritası // Diplomatik strateji. 27.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatikstrateji.com/baris-pinari-harekatı-son-durum-haritasi/> (дата обращения: 04.11.2019).

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2019 г. *А.Н. Миневичева*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

amineicheva@bk.ru

Статья посвящена современному состоянию исламского вопроса в турецко-китайских отношениях. Рассматривается история развития данного фактора в отношениях двух стран. Приводится анализ позиций Турции и Китая, возможных путей разрешения конфликта.

Ключевые слова: международные отношения, Турция, Китай, исламский вопрос, стратегическое сотрудничество, этническое меньшинство, уйгуры.

Взаимоотношения Турции и Китая начались в 1524 г., в период правления династии Мин в Китае, когда представители Османской империи посетили Пекин. Начало официальным отношениям между Китайской Народной Республикой (КНР) и Турецкой Республикой было положено 5 августа 1971 г., когда Анкара официально признала КНР. До сих пор Турция остается верной так называемой политике «большого Китая», согласно которой Анкара признает правительство Пекина как единственного законного представителя Китая [1]. Взаимная выгода турецко-китайских отношений обусловлено рядом как экономических, так и политических факторов. Китай для Турции является важным торговым партнером, поскольку сотрудничество с экономически мощной в мире страной укрепляет международные позиции Турции как на Западе, так и на Востоке. Для Китая отношения с Турцией приобретают геополитическое значение как возможность укрепления своих позиций на Ближнем Востоке.

«Камнем преткновения» для турецко-китайских отношений является ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, называемом также Восточным Туркестаном. Убийство этнических уйгуров китайцами в городе Шаогуань провинции Гуандун вызвало шквал протеста и массовые беспорядки в Урумчи (административном центре округа) 5 июля 2009 г. Турция встала на позицию защиты политических и культурных прав уйгуров. После вспыхнувших в июле 2009 г. в Синьцзяне волнений реакция Турции на способы подавления беспорядков вызвала напряженность в отношениях между Анкарой и Пекином [2].

Однако вскоре отношения между странами снова наладились. Руководство Турции предпочло перевести обсуждение вопроса о положении уйгуров в формат конструктивного диалога, поэтому в телефонном разговоре министры иностранных дел двух стран подтвердили важность их двухсторонних отношений, а министр иностранных дел Турции, Ахмет Давутоглу сказал что, у Турции не было намерения «вмешиваться во внутренние дела Китая» [3].

В 2010 г. состоялся визит турецкого министра в Китай, в рамках которого была закреплена важная стратегическая концепция развития турецко-китайских взаимоотношений [4], которая наметилась во время визита г-на Вэнь Цзябао в Турцию, когда оба премьер-министра приняли совместное заявление о стратегическом сотрудничестве. В рамках данной концепции рассматривался вопрос о развитии отношений Китаем и Турцией в 4 отдельных плоскостях: в области регионального сотрудничества, в азиатском масштабе, во всех международных организациях. В ходе поездки были приняты такие важнейшие для взаимоотношений стран решения, как создание рабочей группы, которая предусматривает совместное собрание всех подразделений министерств иностранных дел; проведение визитов на высшем уровне гораздо более регулярно и часто, в ходе которых и будет заполняться концепция стратегического взаимодействия. Таким образом, взаимоотношения стран после конфликта были восстановлены и перешли на более высокий уровень, закрепив стратегическое партнерское взаимодействие стран, что скорректировало их внешнеполитическую направленность.

Тем не менее, турецкая общественность, несмотря на укрепление взаимодействия стран, по-прежнему достаточно остро реагировала на сообщения о столкновениях в Синьцзяне. Так, в 2015 г. в Турции вспыхнули стихийные митинги, из-за того, что китайские власти отказали в разрешении мусульманам-уйгурам, проживающим в западной провинции Синьцзян, совершать паломничества в Рамадан, а также запретили проводить обряды и поститься во время этого священного для мусульман месяца [5].

В 2019 г. отношения между странами по данному вопросу опять накалились. Поводом стали сообщения о гибели в китайской тюрьме известного уйгурского поэта, певца и музыканта Абдурехима Хейита. Правительство Турции резко высказалось против данного события, снова вернувшись к основной причине противоречий между сторонами [6, с. 70–71].

Рассматривая проживающих в Китае тюрок и мусульман в качестве потенциального «моста дружбы» между Турцией и Китаем, Анкара планирует различные варианты укрепления связей с Восточным Туркестаном: от организации прямого

воздушного сообщения между Стамбулом и Урумчи до открытия в Урумчи консульства Турецкой Республики [7].

Правительство Китая объясняет свои жесткие меры как необходимые для поддержания стабильности и порядка в Синьцзяне — территории, потенциально опасной с точки зрения сепаратизма [8].

Позицию против Китая на международной арене и поддержки Турции в данном вопросе заняли США. В октябре 2018 г. вице-президент США Майк Пенс пригрозил жесткой реакцией Вашингтона на преследования уйгуров и тибетцев [9].

Таким образом, «топор войны» между Турцией и Китаем в взаимоотношениях по поводу национального меньшинства уйгурам так и не был зарыт с принятием концепции стратегического взаимодействия между странами. Вопрос остается нерешенным по сей день, поэтому время от времени продолжают вспыхивать недовольство и противоречия во взаимоотношениях государств. Это поддерживается как внутри стран, в народе, так и на мировой арене.

Список литературы

1. Türkiye – Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения 5.11.2019).
2. Turkey attacks China 'genocide' // BBC News, 10 July 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8145451.stm> (дата обращения 23.10.2019).
3. China demands Turkish retraction // BBC News, 14 July 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8149379.stm> (дата обращения 30.10.2019).
4. Sayın Bakanımızın Pekin'de Büyükelçiliğimiz'de Düzenledikleri Basın Toplantısı, 2 Kasım 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-pekin_de-buyukelciligimiz_de-duzenledikleri-basin-toplantisi_-2-kasim-2010.tr.mfa (дата обращения 25.10.2019).
5. Свистунова И.А. Об отношениях Турецкой Республики с Китаем // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11755> (дата обращения 6.11.2019).
6. Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5 (32). С. 69–84.

7. Турция против Китая: чудовищные обвинения в создании «концлагерей» поставили под удар взаимоотношения стран [Электронный ресурс]. URL: <https://sensus.pro/politics/47464-turcija-protiv-kitaja-chudovishhnye-obvinenija-v-sozdanii-konclagerej-postavili-pod-udar-vzaimootnoshenija-stran/> (дата обращения 8.11.2019).

8. Эрдоган решился на конфликт с Китаем ради мусульман // Деловая газета «Взгляд». 12 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/world/41710202-erdogan-reshilsya-na-konflikt-s-kitaem-radi-musulman/?updated> (дата обращения 11.11.2019).

9. Позицию Китая по уйгурам поддержали десятки стран // REGNUM News. 27 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2674347.html> (дата обращения 28.10.2019).

КАТАРО-ТУРЕЦКИЙ АЛЬЯНС КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

©2020 г. *Е.А. Назарова*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

eli7aveta.nazarova@yandex.ru

На современном этапе катаро-турецкий альянс играет важную роль не только в целом в региональных политических процессах, но и в регулировании региональной безопасности, выступая как рычаг давления, прежде всего, на политику «арабского квартета» (КСА, ОАЭ, Бахрейн и Египет), направленную на достижение собственных целей и задач, укрепление своих позиций в регионе.

Ключевые слова: Катар, Турция, альянс, Братья-Мусульмане, дипломатический кризис, регион Залива.

Развитию катарско-турецких отношений способствовало сотрудничество каждой из сторон с египетскими «Братьями-мусульманами», а также совместное использование ими таких версий идеологии умеренного исламизма, которые были близкими к «ихванским» [См.: 1]. История сотрудничества Катара и Турции начинается далеко в прошлом. Уже на следующий год после получения Катаром независимости, в 1972 г., государство Катар и Турецкая Республика заявили об установлении дипломатических отношений на уровне послов. Позже, в 1979 г., оба государства обменялись открытием посольств. В 1980-х гг. были подписаны двусторонние соглашения, которые с каждым годом стали набирать обороты. К примеру, свой первый договор о техническом и экономическом сотрудничестве Катар и Турция подписали в 1985 г., а затем еще пять – в 2001 г., незадолго до прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. [2].

Важную роль в развитии и укреплении отношений между двумя странами сыграла деятельность «Братьев-мусульман», которая взаимодействием с исламистами, как Катара, так и Турции. Впоследствии умеренный исламизм «Братьев-мусульман» стал крепкой идеологической основой в выстраивании общей внешнеполитической линии турецкого и катарского правительств. Важно отметить, что очень серьезные попытки сближения с Турцией были предприняты Катаром еще до прихода к власти ПСР и Р.Т. Эрдогана. Связано это было во многом с обострением в 1990-е гг. саудовско-катарских отношений.

В 1950–1960-е гг. в Египте проходили массовые репрессии против исламистов, что стало причиной их миграции в страны Залива, в том числе и в Катар, после чего взаимодействие ассоциации и Катара стало более тесным и активным. Поскольку важным направлением деятельности «Братьев-мусульман» стало развитие и распространение образования, в Катаре они оказались востребованными в сфере образования, для развития которой в государстве отсутствовали собственные квалифицированные работники [3].

Стратегическое партнерство Катара и Турции началось после прихода к власти в Турции исламистской «Партии справедливости и развития», идеология которой была схожа с идеями «Братьев-мусульман», во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом. Изначально ПСР пыталась не акцентировать внимание на связях и сотрудничестве с «Братьями-мусульманами» и Катаром, с целью представить партию как более центристскую политическую силу [1]. В свой первый срок на посту главы турецкого правительства в 2003–2007 гг. Р.Т. Эрдоган во внешней политике сфокусировался, в первую очередь, на вступлении Турции в ЕС и налаживании связей и развитии отношений с США. Деятельность Р.Т. Эрдогана в направлении сближения с Катаром и «Братьями-мусульманами» сильно активизировалась после победы «Партии справедливости и развития» на выборах 2007 г. После открытия в 2008 г. в Стамбуле Генерального консульства Государства Катар визиты на уровне глав государств и министров перешли на качественно новый уровень, что можно подтвердить постоянными и регулярными официальными визитами на протяжении 2008 г. [4].

В течение правления Х. Мубарака в Египте и популярность исламистского движения, а также «ихванских» идеологий в стране постоянно возрастала. После этого Турция и Катар начали пытаться влиять на развитие ситуации в Египте более усиленно. Так, президент Турции А. Гюль был первым главой государства, который посетил Египет в 2011 г. после свержения Х. Мубарака [5]. Существуют различные данные о том, что в марте 2011 г. один из кандидатов на пост главы государства от «Братьев-мусульман» посетил Доху для координации деятельности между «братьями» и Катаром в предстоящий период. Кроме этого, правящая в Турции Партия Справедливости и Развития оказывала помощь и влияние «Братьям-мусульманам» в избирательной кампании 2012 г. путем привлечения экспертного содействия [6]. Затем к власти в Египте в ходе победы на выборах фактически пришли «Братья-мусульмане», возглавлял которых Мухаммед Мурси. После этого Турция и Катар договорились поставлять стране значительную политическую, финансовую и техническую поддержку. Считается, что Катар первый признал легитимность свержения президента Мубарака и оказал финансовую помощь Египту в размещении депозитов на сумму \$2,5 млрд с августа 2012 г., а также обещал дополнительно выделить более \$2 млрд, доведя свою общую помощь до \$5 млрд. Также

Катарский правящий дом согласился инвестировать \$18 млрд в Египет в течение следующих 5 лет. Турция, в свою очередь, сразу после свержения Х. Мубарака пообещала выделить Египту помощь с целью развития на общую сумму около \$2 млрд, а затем организовала поставки технического оборудования для решения проблем, связанных с коммунальным хозяйством. Объем товарооборота между двумя странами в 2012 г. достиг уровня в \$5 млрд [См.: 7].

Следующим этапом развития взаимодействия Турции и Катара стал Катарский дипломатический кризис, в ходе которого Катар, находясь в экономической, торговой и информационной блокаде со стороны монархий Залива, был вынужден усилить сотрудничество с иными региональными акторами, и прежде всего с Турцией. На основе договора от 10 ноября 2016 г. о создании турецкой военной базы на территории Катара [8], после введения масштабных санкций, турецкий военный контингент был перемещен в Катар. После чего Турция стала обладать реальным рычагом давления и регулирования на безопасность в регионе Залива. Последнее заявленное укрепление военных связей между Дохой и Анкарой произошло через несколько дней после решения Саудовской Аравии и ОАЭ присоединиться к предложенным США военно-морским силам защиты в Персидском заливе, принятым после вооруженных атак беспилотников на саудовские нефтяные объекты в середине сентября 2019 г. Важно отметить, что в конце 2019 г. в Катаре была открыта уже вторая турецкая военная база, что повлекло за собой значительное увеличение контингента турецких военных в эмирате.

Таким образом, катаро-турецкий альянс имеет достаточно сильные рычаги давления на региональную безопасность, как в экономическом, так и в военном аспектах. Первоначально, альянс не создавался для таких масштабных целей, тем не менее, на данный момент союз можно рассматривать наравне с другими региональными блоками, такими как «арабский квартет» и иные. Обладая стабильной экономикой в обеих странах, а также экономическим потенциалом в целом, крупным военным контингентом, представляется возможным определить альянс единым региональным актором.

Список литературы

1. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте: Ежегодник НИУ ВШЭ. М., 2018. С. 370–428.

2. Viala B. 2017. Why Are Qatari-Turkish Relations Unique? Indrastra January 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indrastra.com/2017/01/OPINION-Why-are-Qatari-Turkish-Relations-Unique-003-01-2017-0033.html#axzz5OL6hNNmM> (дата обращения: 05.11.2019).
3. Ал-ахбар 2017. «Ал-ихван ал-муслимун»: ша'б катар ал-мафкуд. Ал-ахбар 7 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://al-akhbar.com/Arab/231727> (дата обращения: 05.11.2019).
4. العلاقات التركية- القطرية ومراحل تطورها [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailysabah.com/arabic/politics/2015/12/02/turkish-qatari-relations> (дата обращения: 05.11.2019).
5. الرئيس التركي عبد الله جول يغادر أنقرة متوجّهاً إلى القاهرة [Электронный ресурс]. URL: <http://gate.ahram.org.eg/News/45394.aspx> (дата обращения: 05.11.2019).
6. Cafiero G., Wagner D. 2016. The UAE and Qatar Wage a Proxy War in Libya. HuffPost [Электронный ресурс]. URL: https://www.huffingtonpost.com/giorgio-cafiero/theuae-and-qatar-wage-a-_b_8801602.html (дата обращения: 05.11.2019).
7. Henderson S. 2013a. Gulf Aid to Egypt and U.S. Policy. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy.
8. الرئيس التركي رجب طيب إردوغان إلى اليسار، وأمير قطر تميم بن حمد لم تستضيف قطر قاعدة عسكرية تركية [Электронный ресурс]. URL: <https://agsiw.org/ar/why-qatar-is-hosting-a-turkish-military-base-ar/> (дата обращения: 05.11.2019).

**ЛИЧНОСТЬ ПАТРИАРХА БЕШАРА БУТРОСА АЛЬ-РАИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

©2020 г. *Е.И. Малин*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

efimmalin@icloud.com

В статье рассматривается биография патриарха Маронитской Церкви Бешара Бутроса аль Раи, который является автором современной модели внутрицерковных, межконфессиональных и межрелигиозных отношений Ливана и принимает активное участие в политической жизни страны и международных контактах.

Ключевые слова: Ливан, Маронитская церковь, христиане-марониты, ближневосточное христианство, Маронитский патриарх.

Исторически конфессиональный признак положен в основу политического устройства Ливана и является важной «культурно-цивилизационно составляющей и значительно влияет на государственно-политические структуры и политическую жизнь» [1, с. 59].

Одной из наиболее влиятельных, конфессиональных общин Ливана остаются марониты, которые исторически «отождествляют себя с политикой Ливана», полагая что именно они и «есть сама ливанская политика» [2, с. 287]. Несмотря на демографическое отставание от суннитов и шиитов, сирийский кризис и наступивший «сложный период своего утверждения в послевоенном и теперь уже «постсирийском» Ливане» маронитская община в целом, и маронитская церковь в частности, нацелены на «формирование новых политических установок и союзов» [3, с. 58].

В этой связи особое внимание заслуживает фигура 77-го патриарха Антиохии и всего Леванта – Бешара Бутроса аль-Раи, чей общественный и политический вес остается значимым [4]. Традиционно, особая роль в маронитской общине Ливана, отводится не только светскому лидеру, но и патриарху, который конструирует внутрицерковные, межконфессиональные и межрелигиозные отношения, а также активно участвует в политической жизни страны. Нам представляется интересным рассмотреть биографию Бешара Бутроса аль-Раи, остановившись на наиболее значимых этапах его становления как главы маронитской церкви.

Бешар Бутрос аль-Раи родился 25 февраля 1940 г. в Ливане. Он закончил Иезуитский франкоязычный колледж (Collège Notre Dame de Jamhour), расположенный в восточном пригороде Бейрута. Отметим, что традиционным набором обязательных языков на всех специальностях указанного колледжа являются – арабский, французский и английский. Факультативно – один из европейских языков, итальянский или испанский. Отсюда и свободное владение маронитским патриархом европейскими, а также древними языками.

31 июля 1962 г. Бешар Бутрос аль Раи вступил в Маронитский орден Пресвятой Девы Марии. Спустя пять лет, 3 сентября 1962 г., он был рукоположен в сан священника. В течение восьми лет (1967–1975 гг.) занимал должность выпускающего редактора арабского направления радиопрограмм на Радио Ватикана. В 1975 г. получил степень доктора философии (PhD) в области канонического и гражданского права. Впоследствии прошел трехлетний курс обучения в Папском университете в Риме (The Pontifical Lateran University).

15 марта 2011 г., на 72 году жизни, Бешар аль Раи был избран патриархом. За него проголосовали 2/3 епископов. По маронитской традиции при вступлении на патриаршеское служение он принял дополнительное имя святого апостола Петра – Бутрос.

Получивший блестящее богословское иезуитское образование (исторически сложилось так, что церковную элиту маронитов воспитывали в иезуитской образовательной системе), Бешар Бутрос аль-Раи конструирует как новую архитектуру мировоззренческого диалога в регионе, так и конфессионально-корпоративного взаимодействия со Святым Престолом.

За последние годы маронитский кардинал-патриарх – участник ряда знаковых общественно-политических и глобальных церковных событий. Остановимся на наиболее значительных из них:

1. 2012 г. – в связи с протестами в Сирии и последующей эскалацией конфликта, патриарх делает целый ряд важных заявлений. В частности, упомянем его известное высказывание: «Мы с *“арабской весной”*, но мы не с этой весной насилия, войны, разрушения и убийства. *“Весна”* уже превращается в *“арабскую зиму”*» [5].

2. 2013 г. – после отставки Папы Бенедикта XVI в истории католической церкви Аль-Раи стал первым маронитским кардиналом-Патриархом, участвовавшим в Папском конклаве в качестве выборщика.

3. 2014 г. – как ливанский религиозный лидер впервые посетил Израиль [6].

4. 2015–2018 гг. – наладил эффективное взаимодействие с главой ЮНИФИЛ (UNIFIL) временных сил ООН в Ливане [7].

5. 2019 г. – популяризировал глобальную площадку для межконфессионального диалога в долине Вади-Кадиша (Ouadi Qadisha) [8].

6. 2011–2019 гг. – инициировал процесс реформирования христианско-исламского диалога в Ливане с учетом стратегии развития католическо-исламского диалога в свете решений Второго Ватиканского собора, который проходил в 1962–1965 гг.

7. 2019 г. – выступил с резкой критикой плана мирного урегулирования на Ближнем Востоке, предложенного Джаредом Кушнером (Jared Kushner), назвав план «пощёчиной»: «Так называемая сделка века является, на самом деле, пощёчиной века – по отношению как к палестинскому делу, так и к возвращению сирийских беженцев на родину, где бы они смогли продолжить писать свою историю, живя на своей собственной территории, укрепляя свою собственную цивилизацию» [9].

8. 2020 г. – патриарх Бешар Бутрос аль-Раи публично отреагировал на ликвидацию американскими военными иранского генерала Касема Сулеймани (Qasem Soleimani) в Багдаде, инициировав коллективное обращение от епископов маронитской общины к мировому сообществу призвав правительства стран сделать все возможное для предотвращения дальнейшей эскалации политического, военного и этно-религиозного конфликтов на Ближнем Востоке [10].

Мы полагаем, что фигура Бешара Бутроса эль-Раи в ближайшие годы будет играть важную роль как в общественно-политической жизни Ливана, так и в региональном контексте.

Список литературы

1. Иващенко А.С. Роль конфессионального фактора в общественно-политической жизни Ливана (1943-1990 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция. 2015. Вып. 3. С. 59–65.

2. Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 500 с.

3. Рассадин П.А. Маронитский фактор в современном Ливане // Востоковедный сборник. Выпуск 7. М.: ИБВ, 2006. С. 45–60.

4. Сарабьев А.В. Маронитский патриарх действует в интересах стабильности Ливана // Новое восточное обозрение URL: https://www.academia.edu/29325231/Маронитский_патриарх_действует_в_интересах_стабильности_Ливана._НВО_8.2011 (дата обращения: 13.11.19).

5. Stott Michael, Nakhoul Samia. Violence turning Arab Spring into winter. March 4, 2012 // Reuters: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-lebanon-patriarch/violence-turning-arab-spring-into-winter-idUSTRE82306X20120304> (дата обращения: 20.11.2019).
6. Miller Elhanan. Breaking historic taboo, Lebanese Christian leader visits central Israel // The Times of Israel. 26.05.2014: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/breaking-historic-taboo-lebanese-christian-leader-visits-central-israel/> (дата обращения: 14.11.2019).
7. UNIFIL Head of mission visits cardinal Al-Rah // UNITED NATIONS INTERIM FORCE IN LEBANON: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://unifil.unmissions.org/unifil-head-mission-visits-cardinal-al-rahi> (дата обращения: 10.11.2019).
8. Patriarchs of the Middle East: the «Holy Valley» of Qadisha is the common heritage of all Christians // AGENZIA FIDES: Information service of the Pontifical Mission Societies since 1927: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.fides.org/en/news/66654-ASIA_LEBANON_Patriarchs_of_the_Middle_East_the_Holy_Valley_of_Qadisha_is_the_common_heritage_of_all_Christians (дата обращения: 18.11.2019).
9. Card Rahi: Kushner's peace plan is «the slap of the century» //Asianews: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Card-Rahi:-Kushner's-peace-plan-is-the-slap-of-the-century-47423.html> (дата обращения: 11.11.2019).
10. Maronite Bishops to Lebanese politicians: do not drag the country into the conflicts that are stirring the Middle East // AGENZIA FIDES: Information service of the Pontifical Mission Societies since 1927: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.fides.org/en/news/67208-ASIA_LEBANON_Maronite_Bishops_to_Lebanese_politicians_do_not_drag_the_country_into_the_conflicts_that_are_stirring_the_Middle_East (дата обращения: 14.01.2020).

КОНЦЕПЦИЯ КИТАЕЦЕНТРИЗМА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КНР

©2020 г. *Ю.А. Варламова*

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

juliavarlamova2017@mail.ru

Публикация посвящена анализу идеи китаецентризма в истории и современной политике КНР. Автор рассматривает предпосылки возникновения геополитической идеи, причины ее развития и упадка. В результате анализа автор приходит к выводу об успешной трансформации идеологии центризма в идеологию культурно-экономического лидерства.

Ключевые слова: история Китая, концепция «китаецентризма», политика «мягкой силы», геополитика Китая

Китайская цивилизация формировалась и развивалась в благоприятных климатических условиях плодородной равнины как земледельческая, сельскохозяйственная цивилизация. Уже в III-II тыс. до н.э. на территории Китая строились города, развивалось ремесленничество и сельское хозяйство. Это было примером передовой цивилизации того времени. Географические особенности страны в условиях естественной защиты от внешнего мира (на западе и юго-западе — горные хребты, на юге и юго-востоке — моря) оказали значительное влияние на формирование представлений об исключительности китайской культуры, ее превосходстве над культурами племен и этносов, окружавших Центральную равнину. Относительно замкнутое состояние и передовое развитие земледельческой цивилизации Китая привели к возникновению идеи китаецентризма — геополитического взгляда на мир, в котором главное место отводилось Китаю, в то время как сопредельные и удаленные этносы и цивилизации считались отсталыми, варварскими [1, с. 154–169].

Основная часть ранней истории Китая была связана с локальными войнами, происходившими почти в течение 200 лет в центральной равнинной части (V–III вв. до н.э.), завершившись созданием в 221 г. до н.э. первого единого централизованного китайского государства — Империи Цинь. Развитие империи Цинь способствовало укреплению идеи китаецентризма по отношению с приграничными кочевыми племенами и соседними государствами [2].

Сменившая Цинь в 206 г. до н.э. империя Хань, просуществовала 400 лет (220 г. н.э.). За время существования империи Хань китайская цивилизация упрочила свои позиции, расширив, территорию империи за счет захваченных земель на севере Индокитая (государства вьетов), части корейского полуострова (Чосон), юго-западе и севере (удалось оттеснить кочевые племена хунну). Проложив Великий шелковый путь, Китай открывает торговые связи в Средней Азии и на Ближнем Востоке [3, с. 129–136]. В эту эпоху интенсивного развития империи идеи центризма тесно переплелись с конфуцианской философией, прочно вошедшей в культуру Китая.

В условиях относительного спокойствия и успешного развития империя просуществовала почти 700 лет, сменив династии Цзинь, Суй и Тан. За это длительное историческое время империя еще более успешно развивает сельское хозяйство и расширяет торговые отношения, в т.ч. морским путем. В эту эпоху Китай ведет успешные войны с соседними государствами – корейским Когурё, вьетнамским Вансуан, а также противостоит экспансии северных кочевников-сяньби. К моменту основания династии Сун (907 г. н.э.) империя имела все обоснованные предпосылки для дальнейшего развития идей центризма. В этот период, называемый «золотым веком» китайской цивилизации философские идеи китайского центризма получили не практическое оформление в виде обязательных ритуалов, сопровождавших отношений китайского двора и периферийных владений и народов, которые рассматривались как исключительно «вассальные» [4].

Однако в X–XIII вв. китайская империя ощутила на себе мощь кочевых цивилизаций. Усилившаяся протомонгольская общность киданей, основавшая на севере Китая в 916 г. собственную империю Ляо, вынудила Китай впервые подписать мирный договор и согласиться на выплату дани. В 1042 г. дань была увеличена, а в 1075 г. Сунская империя отдала киданям ещё часть своей территории [5, с. 3–8]. Несмотря на вынужденные уступки соседям, период династии Сун считается эпохой экономического и культурного расцвета Китая. В этот период Китай входит в число стран, с наиболее развитым культурным и экономическим потенциалом: растёт число городов, появляются новые технологии в изготовлении ремесленничестве, оружейном деле, сельском хозяйстве. Эпоха династии Сун характеризуется модернизацией всей социально-экономической системы [6, с. 49–51]. Эти благоприятные условия все еще позволяли благополучно развиваться китаецентристской идеологии.

В XII в. усилившиеся тунгусские племена мохэ (чжурчженей) захватывают северный Китай, уничтожив киданьскую империю Ляо. В 1115 г. чжурчжени основывают собственную Империю Айсин Гурун (Цзинь), а в 1141 г. Китай признает себя вассалом Цзинь, потеряв значительную часть своей территории [7, с. 109, 116]. Впервые центристская идеология Китая перестала выглядеть «вечной идеей». Дальнейшие

исторические события были связаны с повторным усилением монгольского влияния. В XIII в. монгольские объединенные племена под предводительством Чингисхана вторгаются в Китай. В период с 1210 по 1234 г. монголы покоряют Среднюю Азию, разбивают войско русских князей, уничтожают государство тангутов и завершают разгром чжурчженского государства Цзинь [8, с. 4, 46, 63]. Китай стал частью монгольской империи и развитие его останавливается на длительное время.

Избавиться от монгольского влияния удалось лишь к середине XIV в. с установлением новой династии Мин (1368–1644 гг.). Китайская цивилизация вновь получает развитие, но для дальнейшего развития идеологии центризма оснований остается все меньше. Китай значительно наращивает внешнеполитическую активность, предпринимает ряд военных и торговых морских экспедиций, устанавливает связи с азиатскими и европейскими странами [9, с. 129].

К середине XVII в. Китай вновь теряет свою независимость, подвергаясь захвату восстановившимися потомками чжурчженей – маньчжурами. Маньчжурская династия Цин правила Китаем более двух с половиной столетий (1645–1911 гг.), при этом Китай оставался лишь частью маньчжурской империи. Маньчжуры значительно расширили территорию своего влияния на западе и востоке. Парадоксально, но именно в эпоху Цин, идеи китаецентризма получили новое развитие. В международных отношениях империя Цин рассматривала другие государства исключительно как вассальные — реально или потенциально. Основания для этого были – вассалом империи Цин была Корея, сюзеренитет Цин признали предводители монгольских родов, Восточный Туркестан был присоединен к Цин и получил название Синьцзян (Новая граница). Маньчжурская династия Цин внесла в развитие Китая новый импульс. Однако за время своего правления циньская цивилизация ощутила на себе непреодолимую силу воздействия китайской культуры, основанной на конфуцианской философии [10, с. 47–49]. Былой боевой дух кочевых племен растворился в оседлой культуре китайской цивилизации. Вероятно, именно с этого момента в дальнейшем развитии Китая центристская геополитическая идеология начала уступать идеологии «мягкой силы», которая оказалась гораздо сильнее и мудрее утопических идей раннего центризма.

XX в. продемонстрировал эффективность новой идеологии, когда чуть более чем за 100 лет китайская империя из, сравнительно, отсталой технологически страны превратилась в одного из лидеров мировой политики и экономики. Удивительное сочетание коммунистических идей и капиталистического подхода к экономическому развитию вывело современный Китай в разряд мирового лидера. Основная идея применения «мягкой силы» Китая заключается в том, чтобы повышать совокупную государственную мощь и служить строительству социализма с китайской спецификой.

Идеология «мягкой силы» Китая основана на построение научной концепции, которая включает в себя две стороны: сближение с народом и умение использовать опыт, для построения стратегии дальнейшего развития. Избранная научная концепция определила приоритет в виде «экономического строительства», главными средствами которого являются наука и образование. Что не менее важно, данная концепция определяет приоритет в виде «человека как основы основ государственности» [11, с. 150–151]. Такой подход, несомненно, заслуживает высокой оценки, что демонстрируют успехи Китая в современной геополитике.

Таким образом, идеи китайского централизма претерпели существенные изменения в процессе исторического развития страны и, к настоящему времени, бывшие утопические идеи китаецентризма трансформировались в успешную идеологию культурно-экономического лидерства. На наш взгляд, подобный прогресс заслуживает внимания для того, чтобы использовать этот опыт в России.

Список литературы

1. Грачиков Е.Н. Исторический экскурс в геополитику Китая // Вестник Московского университета. Сер. 18. 2012. № 3. С. 154–169.
2. Васильев Л.С. Древний Китай. Том 3 (V–III в. до н.э.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=278292&p=1> (дата обращения: 11.12.2019).
3. Борисов Д.Э., Варенов А.В. Политика империи Хань в отношении северных соседей и ее последствия для экономики империи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 4. С. 129–136.
4. Салицкий А.И., Семенова Н.К. Китайские представления о мироустройстве: традиции и современность // Перспективы. Электронный журнал [Электронный ресурс]. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/393/2_2019_1_50_60.pdf (дата обращения: 11.12.2019).
5. Пиков Г.Г. Судьба китайской культуры в западно-киданьском государстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № S1. С. 3–8.
6. Розинская Н.А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия // Экономическая история. № 2(33). 2016. С. 48–55.
7. Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь. М.: Наука, 1975. 448 с.
8. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.
9. Головачев В.Ц. «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV–XV вв. // Общество и государство в Китае. 2012. № 3. С. 129–152.

10. Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII веке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 312 с.
11. Лю Цзайци. Мягкая сила в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.

ТАЙВАНЬ И ГОНКОНГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПОЛИТИКЕ КНР

©2019 г. *Д.Г. Меркулова*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И.Лобачевского

dariamerkulova2000@gmail.com

Статья посвящена двум проблемам нынешней политики КНР: Тайваньскому вопросу и кризису Гонконга. Проводится сравнительный анализ посредством рассмотрения причин складывания обоих конфликтов. Также рассматривается реакция руководства КНР на существующие проблемы и применение его концепции «Одна страна – две системы» в отношении островов Тайвань и Сянган.

Ключевые слова: сравнительный анализ, территориальный вопрос, концепция «Одна страна – две системы».

С момента событий 1 октября 1949 г., провозглашения Китайской Народной Республики, для Пекина была крайне важна задача осуществления комплексного развития государства. И территориальная политика КНР здесь стала одним из ведущих направлений. На момент создания КНР одним из главных приоритетов территориальной политики Пекинского руководства являлся Тайваньский вопрос.

История Китайской Республики (Тайвань) берет своё начало с объявления Синьхайской революции (10 октября 1911 г.), в ходе которой была свергнута монархическая форма правления, а Китай приобрёл статус республики. До 1949 г. Китай назывался Китайской Республикой, правящей партией которой был Гоминьдан. Однако Коммунистическая Партия Китая (основана в 1921 г.), вместе с НОАК (Национальная Освободительная Армия Китая) и под руководством председателя Мао победила в гражданской войне Гоминьдан, который был вынужден отступить с материкового Китая на остров Тайвань. Вследствие чего, остров, хотя формально и оставался частью Китая, теперь становился отдельным государством, КР (Китайская Республика, Тайвань), а материковый Китай с 1949 года стал именоваться КНР (Китайская Народная Республика).

Помимо того, проблема заключалась в том, что политический курс руководства правящей партии Тайваня, Гоминьдан в корень разнился со взглядами КПК. Пекин следовал принципам марксизма, в то время как Гоминьдан призывал народ Тайваня обратиться к идеологическим основам «Старого Света»: ценности свободы и демократии, уважении к человеческой личности и её приоритету перед государством.

С течением времени сформировалась концепция «Одна страна — две системы» [1]. Концепция была направлена на смягчение во взаимоотношениях «двух берегов Тайваньского пролива» и попытку воссоединения единого Китая. Данный политический курс сопровождался полным отстранением Тайваня от какой-либо внешнеполитической деятельности, поскольку несмотря на победу коммунистов в 1949 г., именно КР, а не КНР, официально являлась субъектом международного права. Таким образом, с 1969 г. начались закулисные дипломатические отношения между КНР и США – между премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем и госсекретарём США Генри Киссинджером. В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 октября 1972 г. Пекинское руководство заняло место Тайбэйского.

Однако, несмотря на все усилия Китая «вернуть» себе остров, КР (Китайская Республика, Тайвань) уже 70 лет является фактически и, отчасти, юридически независимым государством, существующим отдельно и наряду с Китаем и придерживающимся своего идеологического воззрения, ориентированного на манер Запада и принципиально отличающегося от идеологии КПК (Коммунистическая Партия Китая) [2].

Политика в отношении «районов особого значения» стала еще более важным аспектом деятельности КПК ввиду начавшегося Гонконгского кризиса, вызванного несогласием народа Сянган подчиняться политике КПК, и в частности, её попытке законодательной инициативы: введении Закона об Экстрадиции в отношении подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений.

Следует отметить, что вследствие Первой (1840–1842) и Второй (1856–1860) Опиумных войн остров Сянган стал колониальной территорией Великобритании, а позже, в 1898 г. Соединённое Королевство получило территорию Гонконга в аренду [3]. Как следствие, на протяжении всего этого времени Сянган не только принадлежал Великобритании юридически, но и перенимал его идеологические принципы.

По истечении срока аренды, с 1 июля 1997 г. Гонконг имеет статус специального административного района (САР) КНР (который предполагается сохранять до 2047 г.) и существует по принципам принятой «Объединенной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга». А потому Закон об Экстрадиции можно считать попыткой расширения Коммунистической Партией Китая своего влияния на своей материковой части и подчинения Сянган не только фактически, но и юридически.

Вследствие этого последние несколько месяцев жители Гонконга устраивали массовые протесты, явно выражая своими действиями оппозиционные настроения и, подобно КР (Китайская Республика, Тайвань), нежелание подчиняться существующему

укладу КПК в пользу западным либеральным ценностям, которым Гонконг и придерживался до 1997 г. [4].

На сегодняшний день можно утверждать, что проблематика Гонконга имеет ту же модель восприятия, что и Тайваньский вопрос (а также, подобно КР, активно получает поддержку извне). Об этом свидетельствует заявление председателя КН Си Цзиньпина, упомянувшего в своей речи 1 октября 2019 г., на параде к 70-летию образования Китайской Народной Республики, о том, что в своей нынешней программе КПК будет придерживаться курса «Одна страна — две системы», причем применяя данную стратегию не только в отношении Тайваньского острова, но и в отношении Сянгана [5]. Это заявление было подтверждено 8 октября в интервью финансового секретаря администрации Сянгана Чэнь Мао-бо, подчеркнувшего, что «принцип «Одна страна — две системы» является самой важной основой успеха Сянгана» [6].

В завершение, следует отметить, что проблематика Гонконга наглядно показывает, что процесс обращения к основам «Старого Света» с момента возникновения Тайваньского вопроса привлекает всё больше и больше последователей на территории КНР, однако концепция «Одна страна — две системы» здесь является механизмом сдерживания и поддержания благотворного развития «единого» государства.

Список литературы

1. Киссинджер Г.О. Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/o-kitae.html> (дата обращения: 08.10.2019).
2. Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=32885> (дата обращения: 08.10.2019).
3. История Китая / Под редакцией А.В. Меликсетова [Электронный ресурс]. URL: http://istfak-brsu.narod.ru/32578_meliksetov_a_v_istoriya_kitaya.pdf (дата обращения: 08.10.2019).
4. BBC News. Русская служба [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian> (дата обращения: 16.06.2019)
5. Информационное агентство «Синьхуа» [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.news.cn/> (дата обращения: 01.10.2019).
6. Жэньминь жибао [Электронный ресурс]. URL: <http://paper.people.com.cn/> (дата обращения: 08.10.2019).

РЕГИОНЫ ЕВРАЗИЙСКОГО МАТЕРИКА В КОНЦЕПЦИИ В.И. ЛАМАНСКОГО

©2019 г. *С.И. Снежницкая*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sofisn1998@gmail.com

Рассматривается предложенная В.И. Ламанским концепция «трёх миров», предполагавшая условное разделение Евразийского материка на 3 «мира»: романо-германский, греко-славянский и азиатский. Представлен анализ данной концепции в её эволюции. Делается вывод о том, что В.И. Ламанский первым провел достаточно определенные границы между Россией, собственно Европой и собственно Азией. Так, очертания России-Евразии в концепциях П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого будут почти полностью совпадать с точкой зрения Ламанского, высказанной им в теории «трёх миров». Обосновывается тезис о том, что в своих трудах учёный предвосхитил концепцию евразийства.

Ключевые слова: В.И. Ламанский, евразийство, регионы, культурные миры, цивилизационный подход, славянофильство.

Концепция «трёх миров», выдвинутая В.И. Ламанским является творческой переработкой учения славянофилов, его адаптацией к реалиям конца XIX в. Сама идея дифференциации народов на культурно-политические миры пришла к Ламанскому ещё в молодости. Она прослеживается в его работах, начиная с 1860-х гг. Отдельные тезисы можно заметить в его магистерской диссертации [1], а также в очерках «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» [2], «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» [3].

Так, ещё в статье «О распространении знаний в России» (1857 г.) Ламанский писал о том, что в греко-славянский мир, кроме России, входят и её «единоверцы и соплеменники, и те иноплеменные государства, которые и по этнографическому составу своему, и по своим историческим судьбам принадлежат более к миру восточноевропейскому, чем к западному, именно Турция, Австрия и прежняя Венеция. Сюда же входят... литовцы, албанцы, финны и другие народы азиатские» [4, с. 777]. В своей магистерской диссертации (1860 г.) В.И. Ламанский уже называет два мира – романо-германский и греко-славянский, и говорит о важности изучения их взаимоотношений, рассматривает восприятие народами этих миров друг друга [5]. Спустя

11 лет в труде «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» славист задавался вопросом о границах миров: «Что такое Европа? Настоящий ли географический материк... И не культурное ли это понятие, равнозначительное романо-германскому миру?» [6, с. 234]

Позже к двум мирам Европы учёный добавляет Азию. Так, в 1879 г. в своей работе, посвящённой анализу еврейского и немецкого элементов в Привислянском крае, Ламанский писал: «В колоссальной борьбе *собственно Европы и собственно Азии с третьим Средним миром, греко-славянским*, интересы всего славянства ... представлены Россией, и ею одной могут быть защищены и обеспечены» [7, с. 608].

В 1885 г. он повторяет эту мысль в работе «Кирилло-Мефодиевская идея», отмечая, что жители западноевропейских стран издавна воспринимали земли между ними и Азией как отдельный, ни на что не похожий мир, называемый либо Грецией, либо Славией [8].

Окончательным оформлением концепции В.И. Ламанского можно считать его работу «Три мира Азийско-Европейского материка» [9], написанную в 1892 г. о романо-германском, греко-славянском и азиатском мирах – центрах культурного развития человечества, имеющих географические, этнографические и религиозные основы самостоятельного существования (см. Приложение 1).

Именно в этом сочинении геополитические воззрения автора получили наиболее развернутое обоснование. В нём Ламанский выступает против придания европейской цивилизации статуса общечеловеческой, настаивая на национальной и культурной самобытности каждого народа или общности. Каждая из них развиваются в своем темпе и последовательно проходят стадии от появления до расцвета. Ламанский в этом случае является сторонником цивилизационного подхода к изучению стран и народов.

В.И. Ламанский насчитывает три цивилизационных мира: «собственная Европа», «собственная Азия» и «Средний мир», который — «не настоящая Европа и не настоящая Азия... там где Азия уже кончается, но Европа еще не начинается» [9, с. 185]. Основным критерием разделения миров являются религиозный, исторический и этнографический признаки.

Азиатский «мир», по мнению Ламанского, является абсолютно раздробленным, поскольку не имеет общей религии, языка и народности, способной стать объединяющей. Поэтому, считает ученый, «ни в глубокой древности до Рождества Христова, ни в средние века, ни в новейшее время, с XVI в., с утверждения поселений и владычества христиан, европейцев и русских в южной и северной Азии, никогда не только вся Азия, но и нынешняя нерусская Азия не была приведена к единству политическому и религиозному, не собиралась в одно целое» [9, с. 188]. Ученый считал, что, несмотря на политическую целостность в различные периоды истории и попытки тюрков, монголов, и других

народов объединить азиатские земли, этот мир в силу географических факторов не может быть единым целым в духовном плане.

Кроме того, Ламанский отметил резкую несхожесть азиатских владений «собственно Европы» и «среднего мира». Так, европейские страны, по мнению Ламанского, рассматривают Азию лишь в качестве рынка купли-продажи товаров, их привлекает возможность эксплуатации и экономической выгоды. С другой стороны, русское население в Азии живет преимущественно оседло, имеет свои деревни и села. Это делает уже освоенные территории непохожими на «собственно азиатские», и переводит их в границы «Среднего мира»: «В этом смысле и теперь можно говорить об азиатской России, но еще нельзя, и едва ли когда будет возможно, говорить об азиатской Англии, Франции, Голландии, Испании и Португалии» [9, с. 191].

«Романо-германский» мир, по мнению слависта, не является единым целым в полном смысле этого слова – ему присуща внутренняя дифференциация по разным признакам, включая религиозный, этнический, и другие. Таким образом, на территории этого мира ученый выделяет шесть относительно самостоятельных центров: Великобританию, Францию, Испанию, Скандинавию, Германию и Италию. Общим же для них является наличие романского и германского элементов (немало Ламанский писал и о кельтском элементе), которые «не настолько смешались, чтобы слиться в одно целое, и не настолько уже разобщены, чтобы не могли сходиться во множестве общих интересов и даже, по частям стремиться к союзам и внешним соединениям» [9, с. 214]. Касательно национального единства европейского мира славист писал: «Все арийцы старого и нового света – суть племена более или менее смешанные с другими не-арийскими обитателями Америки, Азии и Европы (лигуры, этруски, баски, лопари)» [6, с. 314].

Здесь же он выступал и противником теорий национального/расового превосходства: «Нет никакого разумного основания полагать, что финны, монголы, турки, с которыми мы так давно смешиваемся... ниже, малоспособнее, слабее физически и нравственно...» [6, с. 314–315].

Отмечая, что европейский мир имеет немало прекрасных достижений в области науки, литературы, торговли, промышленности и проч., Ламанский был против того почитания «всего европейского», которое нередко встречалось в русском обществе. Он утверждал, что необходимо замечать и в своем отечестве то прекрасное, что создавалось и создается в России на протяжении всей истории.

«Греко-славянский» мир В.И. Ламанский называл «Средним миром», связующим Европу и Азию. Согласно концепции Ламанского, основную часть «Среднего мира» занимает Россия, которая, в силу исторических и географических особенностей является центром этого мира. Граница «Среднего мира» с Азией практически полностью совпадает

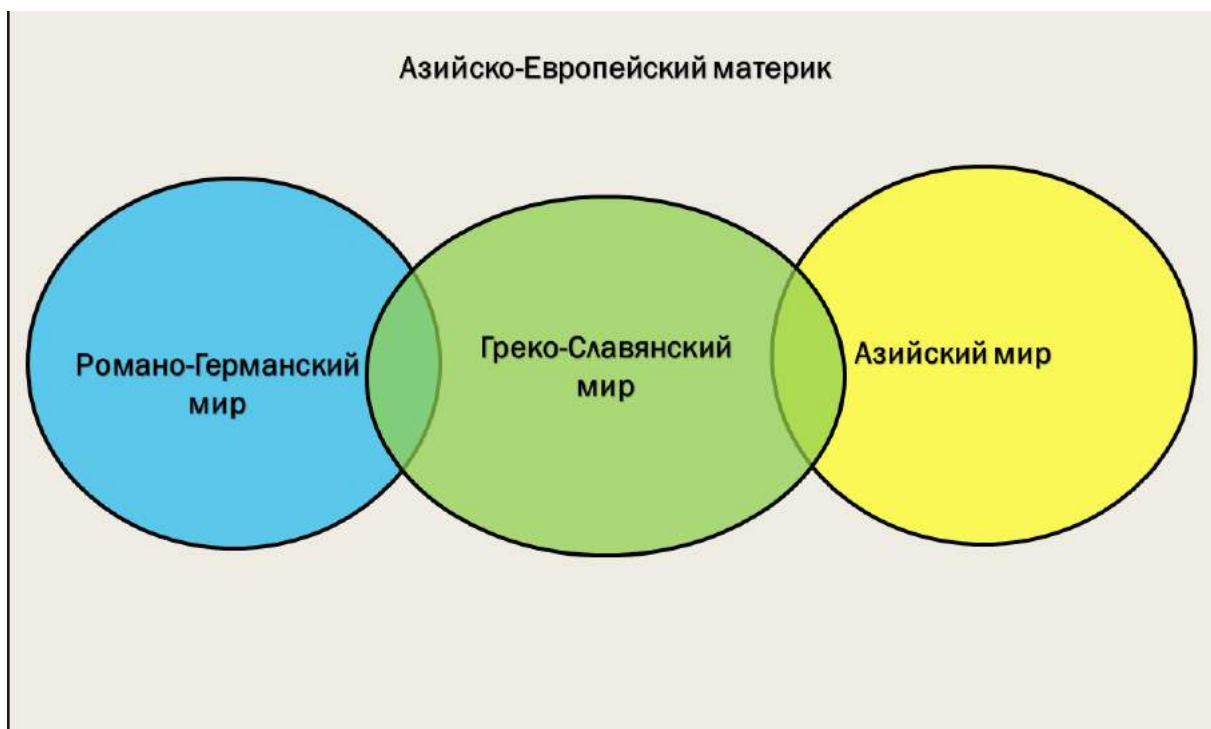
с современной Ламанскому границей Российской империи и азиатских стран и проходит по линии горных хребтов северного Китая, Тибета и Гиндукуша в Средней Азии. Однако имеются и некоторые отличия: Синьцзян-Уйгурия, Монголия, частично Маньчжурия оказываются в пределах «греко-славянского» мира, в то же время российский Дальний Восток был выведен ученым за его пределы.

Граница же «среднего мира» с «собственно Европой» проходит от Данцига (Гданьска) к Триесту и на юг, через Восточную Европу к Греции, Турции, зоне приморья Сирии и Малой Азии, а также Кавказа (см. Приложение 2).

Сам греко-славянский мир, как и романо-германский, не является однородным в национальном плане, но его связывает духовная общность, православная культура. Но Ламанский не рассматривал религию в качестве главного объединяющего фактора. Основным критерием, по которому он объединял земли вокруг России, являлся фактор близости и взаимосвязи земель в своём историческом развитии. Поэтому учёный включил в состав Среднего мира и сирийских христиан, и поляков, и армян-монофизитов, и венгров-католиков, которые не были ни славянами, ни православными, но на протяжении многих веков находились под взаимным влиянием.

В своих трудах Ламанский предвосхитил российские концепции XX и XXI вв., прежде всего, евразийство. В отличие от своего современника Э.Э. Ухтомского, рассматривавшего Россию как просто часть Азии, Ламанский первым провел достаточно определенные границы между Россией, собственно Европой и собственно Азией. Очертания России-Евразии в концепциях П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого будут почти полностью совпадать с точкой зрения Ламанского, высказанной им в теории «трёх миров». Многие идеи ученого лежат в основе создания в наше время Евразийского Союза.

Таким образом, концепция Ламанского, сформировавшаяся в 1860–1870-е гг., существенно изменилась. Оставив неизменным сам подход – цивилизационный анализ истории – учёный добавил к двум «мирам» Старого Света Азию, значительно расширил фактологическую базу своей теории. Его теоретический панславизм стал продолжением историософской линии в славянофильстве, а учение о трёх цивилизационных мирах получило дальнейшую разработку в евразийстве. Именно эта сторона научного наследия Ламанского оказалась наиболее востребованной в современной науке.

Список литературы

1. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. 227 с.

2. Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 96–188; № 12. С. 548–616.
3. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Геополитика панславизма. М., 2010. С. 42–183.
4. Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Геополитика панславизма. М., 2010. С. 742–790.
5. Ламанский В.И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Геополитика панславизма. М., 2010. С. 28–42.
6. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. 316 с.
7. Ламанский В.И. Евреи и немцы в Привислянском крае // Геополитика панславизма. М., 2010. С. 561–614.
8. Ламанский В.И. Кирилло-Мефодиевская идея // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 3. С. 208–212.
9. Ламанский В.И. Три мира Азийско-европейского материка // Геополитика панславизма. М., 2010. С. 183–323.

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Х ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

©2020 г. *Занозина Я.С, Плиткина В.М.*

Нижегородский институт управления РАНХиГС

yana23-23zanzozina@mail.ru

Статья посвящена электоральным предпочтениям нижегородцев в 1990-х гг., проявившихся на выборах депутатов Государственной Думы. Сделан ряд выводов относительно политических симпатий жителей разных административно-территориальных единиц Нижегородского региона в позапрошлом десятилетии.

Ключевые слова: электорат, выборы, партии, предпочтения, Нижегородская область, Государственная Дума.

После завершения противостояния между ветвями власти в октябре 1993 г. состоялись выборы депутатов Федерального Собрания Российского Собрания, а также проходил референдум по вопросу принятия Конституции РФ. Сами выборы проводились на основе мажоритарно-пропорционального представительства. Таким образом, наш регион в Государственной Думе должны были представлять не только депутаты-одномандатники, но также депутаты, прошедшие по спискам тех политических партий, которые преодолели пятипроцентный барьер в ходе голосования по партийным спискам и представлявшие в этих списках Нижегородскую область. Допускалась вероятность, что «помочь» им в отстаивании интересов нижегородцев должны те депутаты-жители нашего региона, которые прошли в Государственную Думу по партийному списку от какого-либо другого региона.

Отличительными чертами данных выборов имеет смысл признать следующие: 1). целый ряд оппозиционных партий и движений не смогли принять участия в выборах из-за поражения в противостоянии с президентской властью в октябре 1993г. (это коснулось и их сторонников на местах); 2). впервые в РФ выборы должны были проходить на альтернативной основе; 3). впервые в России проходило голосование по партийным спискам.

Нижегородская область была разбита на 6 округов – №117 Автозаводский (Автозаводский, Нижегородский и Советский районы г. Нижнего Новгорода), №118 Арзамасский (12 сельских районов юга Нижегородской области), №119 Дзержинский (8

западных и центральных районов Нижегородской области), №120 Канавинский (Канавинский, Ленинский, Московский и Сормовский районы г. Нижнего Новгорода), №121 Семёновский (16 северных и западных районов Нижегородской области), №122 Сергачский (Приокский район г. Нижнего Новгорода, а также 13 центральных и восточных районов Нижегородской области).

Общее количество кандидатов по округам – 12 по 117-у, 9 по 118-у, 8 по 119-у, 10 по 120-у, 6 по 121-у и 5 по 122-у. Нижегородцам предстояло не только выбрать депутатов-одномандатников, но и голосовать за 1 из 13 партийных списков, утверждённых ЦИК РФ. В списках 13 объединений было включено 40 кандидатов, представляющих Нижегородскую область. Наибольшее их число было включено в списки Аграрной партии России (АПР), блока Явлинский–Болдырев–Лукин «Яблоко» и «Будущее России – Новые имена» [1, с. 9]. Некоторые кандидаты баллотировались как по партийным спискам, так и по одномандатным округам – например, так поступили Н.Н. Костерин и Б.П. Пучков (АПР) и Е.В. Загрядский («Выбор России»). Некоторые партийные объединения вообще не имели нижегородского регионального списка в составе общероссийского (например, ЛДПР и КПРФ [1, с. 54, 56]).

По выборам по общефедеральному округу успеха в Нижегородской области добились следующие объединения – ЛДПР(19,18%) [регион реформ, как часто именовали тогда Нижегородскую область, также не избежал общероссийского победного марша ЛДПР], «Выбор России» (13,4%), КПРФ (11,08%), «Яблоко» (11,64%), «Женщины России» (9,31%), АПР (8,71%), ДПР (6,79%) и ПРЕС (Партия российского единства и согласия) (5,38%). Было близко к прохождению пятипроцентного барьера в Нижегородской области и Российское движение демократических реформ (РДДР), набравшее 4,15% и преодолевшее этот барьер в округах №117 (6,19%) и №120 (5,66%). Исходя из голосования по партийным спискам, демократически ориентированными округами следует считать округа №117 («Выбор России») – 18,4%, «Яблоко» – 16,36%, РДДР – 6,19%, ПРЕС – 5,95%, в то время как у КПРФ оказалось лишь 9,62%, а у АПР вообще 1,97%) [2, с. 62], №120 («Яблоко» – 16,3%, «Выбор России» – 14,8%, РДДР – 5,66%, ПРЕС – 5,51%, в то время как КПРФ – 9,97% и АПР – 2,17%) [1, с. 65]. Оппозиционными округами следует считать прежде всего округа №121 (АПР – 15,26% и КПРФ – 10,18%, а у «Яблоко» 9,29% и РДДР 3,32%) [1, с. 66] и 122 (КПРФ – 19,18% и АПР – 8,71%, в то время как «Яблоко» – 11,64% и РДДР – 4,15%) [1, с. 67]). Таким образом, следует сделать вывод, что в целом жители Нижнего Новгорода были настроены более демократически, нежели жители сельской местности. Кроме того, среди последних весьма большой популярностью пользовалась АПР, которая ни в одном районе Нижнего Новгорода не преодолела пятипроцентный барьер.

В итоге Нижегородскую область в Государственной Думе РФ I-го (иногда встречается V-го созыва) представляли следующие депутаты: Булавинов В.Е. (округ №120), был членом Комитета Государственной думы по международным делам, в депутатских фракциях и группах не состоял [3, с. 68]; Бушмин Е.В. (округ №122), член депутатской группы «Либерально-демократический союз 12 декабря», член Комитета Государственной думы по бюджету, налогам, банкам и финансам [3, с. 77], Воронов С.В. (округ №118), член Комитета по организации работы Государственной думы [3, с. 98], Данилов-Данильян В.И. (общефедеральный избирательный округ, «Выбор России», №28 в партийном списке, возглавлял нижегородский региональный список «Выбора России»), член Комитета по экологии, член фракции блока «Выбор России» [3, с. 68], Зубкевич М.Б. (общефедеральный избирательный округ, ДПР, №9 в партийном списке), заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, член фракции ДПР [4, с. 59], Сеславинский М.В. (округ №119), член Комитета по образованию, культуре и науке, председатель подкомитета по культуре [5, с. 126], Цапин А.И. (округ №117), член Комитета по промышленности, строительству, транспорту и энергетике, член фракции блока «Явлинский–Болдырев–Лукин» [6, с. 45] и Черторицкая Т.В. (округ №121), член Комитета по образованию, культуре и науке, член Мандатной комиссии, в фракциях и группах не состояла [6, с. 50].

По сути к вышеперечисленным депутатам следует причислить и Гайдаш М.И. (общефедеральный избирательный округ, движение «Женщины России»), члена одноимённой фракции [3, с. 109]. (До своего избрания она работала заместителем главы администрации по социальным вопросам Нижегородского района г. Нижний Новгород). Судя по всему, М.И. Гайдаш прошла по региональному списку движения «Женщины России» не от Нижегородского региона. А.В. Евдокимов относит к нижегородским депутатам также В.П. Аверчева, В.И. Большакова и Е.М. Кокорева [7, с. 426].

На следующих парламентских выборах 17 декабря 1995 года нижегородцам предстояло не только выбрать депутатов-одномандатников, но и голосовать за 1 из 43 партийных списков, утверждённых ЦИК РФ. В списках 34 объединений было включено 129 нижегородцев (для сравнения – в 1993 г. на выборах в Государственную Думу 1 созыва таковых насчитывалось только 47) [8, с. 6]. Изъявили желание участвовать в выборах в избирательных округах № 117–122 126 кандидатов, но после проверки подписных листов к избирательному марафону было допущено 80 кандидатов (это составило примерно 80% [9, с. 2]). Таким образом, в выборах в Государственную Думу 2 созыва участвовало 208 нижегородцев [8, с. 6].

Во всех округах Нижегородской области баллотировались представители только ЛДПР. Кроме того, в Думу баллотировались 5 представителей КПРФ, 4 – НДР, по 3 –

Блока Станислава Говорухина, «Державы», КРО. Ряд партий и движений выдвинул двух или одного своих членов в ходе данных парламентских выборов. Кроме того, в выборах участвовало 33 независимых кандидата. Наименьшее число независимых кандидатов было зарегистрировано в Автозаводском округе [9, с. 2], наибольшее – в Семёновском. Также следует отметить, что в декабре 1995 г. баллотировался целый ряд депутатов Государственной Думы прошлого созыва, причём как нижегородцев (М.В. Сеславинский, С.В. Воронов, В.Е. Булавинов, Т.В. Чарторицкая и Е.В. Бушмин), так и «варяги» (Ю.Ю. Леонов, М.Я. Лемешев, Л.Д. Гагут и И.И. Заславский).

В целом следует признать, что предвыборная кампания проходила при наличии лишь одного яркого скандала, связанного с именем А.А. Климентьева. Предвыборная кампания прошла вполне мирно и предсказуемо. Кандидаты не вбрасывали «чемоданы компромата» на конкурентов и не поражали электорат какими-либо новыми избирательными технологиями. Типичными слоганами можно признать следующие – «Проверен делами, а не обещаниями!» (М.В. Сеславинский) или «Обещал – сделал!» (В.И. Юдин). Также использовалось в качестве предвыборного хода афиширование тесных связей с известными политиками всероссийского масштаба (например, фотография кандидата в депутаты В.И. Чумака и свердловского губернатора Э. Росселя). Некоторые кандидаты по сути не вели активной предвыборной кампании, рассчитывая, вероятно, на то, что уже их партийная принадлежность принесёт им голоса. Примеры тому – И.И. Заславский и В.И. Вишнепольский (ДВР – объединённые демократы), Н.К. Круглов (НДР). Представители левой оппозиции активно клеймили «антинародный режим», подчас конкурируя между собой на одном и том же электоральном поле (пример – В.А. Белозёров и И.И. Никитчук в округе № 118). Отдельные кандидаты пытались сформировать в глазах избирателей имидж людей, для которых партийная принадлежность – не главное.

Необходимо упомянуть, что «в ходе ... кампании ... лишь одна команда специалистов (политолог С. Спицын, психолог А. Жмыриков и журналист В. Ионов) публично заявили о себе как о ...группе политических консультантов» [10, с. 65]. Остальные же действовали в тени. Необходимо также отметить, что думская кампания 1995г. прошла не под знаком «чёрного PR». Не было даже вброса «губернаторского» списка (Возможно, одно из объяснений тому следующее обстоятельство – сам Б.Е. Немцов, баллотируясь в это же время на пост губернатора Нижегородской области не стремился «связать» себя только с одним из политиков федерального уровня (Б.Н. Ельцин, В.С. Черномырдин, Г.А. Явлинский, Е.Т. Гайдар), но порой недвусмысленно намекал о тесных отношениях с кем-либо из них, не пытаясь, однако, показать себя

человеком одного кого-либо из них. Вполне возможно, что аналогичным образом он решил поступить и с кандидатами в депутаты от Нижегородской области).

Что же касается партий и общественных движений, то 18,7% нижегородцев проголосовали за КПРФ, 12,1% за ЛДПР, 10,8% за «Яблоко», 10,5% за НДР и 5,1% за блок «Женщины России». Таким образом, следует признать, что в целом результаты выборов в нашем регионе лишь незначительно отличались от общероссийских.

Итак, во-первых, нижегородцы были представлены в Государственной Думе второго созыва 7 депутатами, из которых трое были членами фракции НДР, двое были членами фракции КПРФ, один депутат представлял фракцию «Яблоко» и один депутат из Агропромышленной депутатской группы. Во-вторых, результаты выборов во многом совпали с общероссийскими, а наш регион не подтвердил свой имидж региона реформ (даже по сравнению с выборами 1993 г.). В-третьих, выборы в Нижегородской области проиграли почти все депутаты Государственной Думы 1-го созыва, за исключением М.В. Сеславинского. В-четвёртых, выборы в Нижегородской области проиграли все баллотировавшиеся крупные бизнесмены (лучший результат показал Н.М. Хафизов – 2-е место).

Кроме того, Нижегородский регион в Государственной думе в 1995–1999 годах представляли В.П. Аверчев, С.А. Потапов, Ю.Д. Седов и В.А. Калягин, прошедшие по спискам «Яблоко» и КПРФ соответственно [11, с. 202], но не имевшие, как и ранее В.И. Данилов-Данильян, никакой связи с Нижегородской областью до своего избрания. Да и представляли они не только Нижегородскую область, а несколько регионов [12, с. 16–17].

В период функционирования Государственной думы II созыва один из нижегородских депутатов – М.В. Сеславинский – сложил с себя полномочия ввиду перехода на работу в органы исполнительной ветви власти. Как следствие в 1998 году, были проведена довыборы в округе № 119, на которых довольно сенсационно одержал победу А.И. Пантелеев, входивший в бытность депутатом в группу «Народовластие».

По итогам следующих выборов в Государственную Думу 19 декабря 1999 года, по общефедеральному округу в регионе были получены следующие результаты: КПРФ – 24,38% «Медведь» – 19,83% СПС – 16,40% ОВР – 6,79%, Блок Жириновского – 6,15%, «Яблоко» – 4,77% [2, с. 1]. Следует согласиться с политологом С. Кочеровым, отмечавшим, что нижегородцы голосовали во многом прежде всего за «своих» кандидатов – имеется в виду партия СПС, чья первая тройка на 2/3 состояла из нижегородцев (имеются в виду С.В. Кириенко и Б.Е. Немцов). При этом же в Нижегородской области меньше, чем по стране в целом получили как лево-либеральная партия «Яблоко», так и ОВР и «Медведь» [13, с. 4].

По одномандатным округам победы одержали В.Е. Булавинов, Б.Е. Немцов, Д.В. Савельев, И.И. Никитчук, Г.М. Ходырев и Н.И. Костерин. По-настоящему неожиданной стала только победа последнего, кстати, известного в регионе довольно слабо. Победа Б.Е. Немцова у многих вызвала подозрения, благо выиграл, но у своего давнего оппонента – экс-директора ГАЗа Б.П. Видяева – за счёт голосов жителей Советского района г. Нижнего Новгорода, причём с весьма незначительным перевесом. Г.М. Ходырев сумел победить тоже довольно неожиданно, но по совсем иной причине – дело в том, что по Дзержинскому избирательному округу №119 баллотировалось кроме него ещё два приверженца коммунистических идей, причём один из них также член КПРФ. Тем не менее, разобщённость электората оказалась не помехой для бывшего главы Горьковской области.

По общефедеральному округу Нижегородский регион в Государственной Думе представляли Н.А. Бенедиктов (КПРФ), А.Н. Косариков («Медведь») и Л.Н. Глебова (СПС).

Таким образом, результаты выборов в Государственные Думы в Нижегородской области в 1990-х годах не очень сильно отличались от общероссийских. Важно также подчеркнуть, что нижегородцы были склонны поддерживать «своих» кандидатов (то есть, связанных с регионом), а не «варягов». Особенно наглядно это продемонстрировал пример СПС в 1999 году. Кроме того, имелся в области и устойчивый «красный пояс», состоявший из южных районов области, а также нескольких районов севера и востока региона [14, с. 51–53], где избиратели в большей степени поддерживали левых. Кроме того, важно подчеркнуть, что уровень политической активности на выборах был довольно высок, что в целом было характерно для России в позапрошлом десятилетие [15, с. 95].

Список литературы

1. Некрасов А.И., Емельянов Н.П., Артамонов Ю.Д. Возвращение Государственной Думы. Первые после 1917 года многопартийные выборы в России. Н. Новгород, 1994. 154 с.
2. Нижегородский рабочий. 1999. 21 декабря.
3. Власть: Депутаты Государственной Думы депутаты государственной Думы: Краткий биографический справочник. М., 1994. Т. 1. 146 с.
4. Власть: Депутаты Государственной Думы депутаты государственной Думы: Краткий биографический справочник. М., 1994. Т. 2. 154 с.
5. Власть: Депутаты Государственной Думы депутаты государственной Думы: Краткий биографический справочник. М., 1994. Т. 3. 151 с.

6. Власть: Депутаты Государственной Думы депутаты государственной Думы: Краткий биографический справочник. М., 1994. Т. 4. 145 с.
7. Евдокимов А.В. Характеристика персонального состава нижегородских депутатов по результатам выборов 1993 года в Государственную Думу РФ // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Сборник статей международной научной конференции / Под ред. А.А. Корнилова. Нижний Новгород, 2017. С. 422–430.
8. Некрасов А.И., Емельянов Н.П. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2 созыва. Выборы губернатора Нижегородской области. 17 декабря 1995 г. Н. Новгород, 1996. 213 с.
9. Нижегородские новости. 1995. 7 декабря.
10. Макарычев А.С. Технология предвыборной кампании и политическое консультирование: электоральная стилистика, риторика и средства коммуникации с избирателями // Нижегородские выборы–1995. Новые тенденции и старые уроки (Материалы теоретического семинара). Н. Новгород, 1996. С. 64–69.
11. Евдокимов А.В. Персональный состав нижегородских депутатов по результатам выборов 1995 года в Государственную Думу Российской Федерации // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб., 2017. С. 197–206.
12. Государственная Дума Российской Федерации второго созыва. Справочник. М., 1996. 158 с.
13. Нижегородский рабочий. 1999. 23 декабря.
14. Иудин А.А., Марченков П.А., Некрасов А.И. Выборы и электорат: политическая эволюция. Н. Новгород, 1997. 118 с.
15. Пахомова Е.А. К вопросу об отечественных традициях прямой демократии // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 94–96.

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В РАМКАХ ЕАЭС

©2020 г. *Э.С. Домрачев*

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

eddom2307@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы создания полноценного экономического союза в рамках ЕАЭС, как наиболее сильного интеграционного образования в странах СНГ. Анализируются проблемы, с которыми сталкиваются страны-участницы Союза и их экономические и политические противоречия. Сделан вывод о наиболее вероятном в ближайшее время сценарии развития интеграционных процессов – стагнации отношений в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, российско-белорусские отношения.

Одной из наиболее востребованных и актуальных тем в российском научном сообществе является рассмотрение процессов экономической интеграции на постсоветском пространстве. С одной стороны, новое объединение бывших союзных республик потенциально способно оказать значительное влияние на расстановку сил основных игроков на мировом рынке, а с другой стороны, представляет возможность оценить необходимость совместного будущего, и если да, то в каком формате. На данный момент наиболее существенным проектом объединения, который развивается на территории бывшего СССР, является евразийская экономическая интеграция в рамках ЕАЭС.

Главной предпосылкой интеграции является общность исторической судьбы в рамках нахождения республик в составе бывшего СССР. Обуславливает и специфику экономик стран-участниц процесса интеграции, которые сочетают характеристики бывших социалистических стран и стран с формирующимися рынками: наличие относительно широкой материально-ресурсной базы, сформировавшаяся система образования, социальных льгот, избыточное предложение труда, а также подверженность внешним шокам, менее развитая финансовая система, большая амплитуда циклических колебаний [См.: 1].

С другой стороны, на фоне падения многих экономических показателей возникает, и политическое стремление стран объединить свои национальные экономические системы

для возвращения конкурентных преимуществ и роли в мировой экономике. Пример: на 1989 г. доля СССР в мировом ВВП равнялась 13%, в мировом промышленном производстве почти 12,9% в 1990 г., однако на 2014 г. доля РФ в мировом ВВП составляла всего 3,3% [2, с. 158], что показывает утрату довольно значительного положения в мире. Осознание данного обстоятельства приводит к тому, что бывшие союзные республики разрабатывают интеграционные проекты с разной степенью вовлеченности.

Интеграция на постсоветском пространстве последовательно проходит закономерные этапы развития. В 2000 г. в Астане было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС). Основной целью ЕАЭС было развитие экономического взаимодействия, торговли, координация действий государств-членов при интеграции в мировую экономику. В августе 2006 г. на Межгосударственном совете ЕАЭС было принято принципиальное решение о создании Таможенного союза в составе трёх государств – Белоруссии, России и Казахстана в рамках ЕАЭС, которые были готовы к более глубокой интеграции. Положительное влияние создания Таможенного союза можно оценить по статистике внешнего товарооборота России. Так, торговый оборот со странами ЕАЭС на протяжении существования организации постоянно увеличивался, имея падение на 32% только в 2009 г., как следствие кризиса мировой экономики в 2008 г.

Следующим этапом в экономической интеграции стало образование Евразийского экономического союза. Интеграция в рамках ЕАЭС стартовала в крайне сложных экономических условиях, т.к. совпала с периодом очередного экономического кризиса. В силу этого внешнеторговый оборот стран-участниц в рамках Союза упал, и начал восстанавливаться только в 2017–2018 гг., в основном за счёт металлических изделий, машин и оборудования, продуктов химической промышленности, а также продовольственных товаров [См.: 3]. Поэтому, следуя анализу внешнеэкономических показателей, можно говорить о довольно неплохой перспективе развития объединенных экономик в рамках ЕАЭС.

Однако определенно положительная динамика встречает препятствия со стороны серьезных внутренних и внешних проблем к интеграции.

Как известно, одной из важнейших предпосылок стабильного развития и устойчивости объединения является примерно равный уровень экономического развития интегрирующихся стран. Поэтому первой проблемой ЕАЭС выступает неравномерность развития и разные уровни экономического благополучия его стран-участниц. Особенно это видно по оценке вклада в ВВП государств ЕАЭС. Так, в январе – июне 2018 г. на долю России приходилось 88,4% общего объема промышленного производства ЕАЭС, Казахстана – 6,6%, Беларуси – 4,4%, Армении и Кыргызстана – по 0,3% [4]. Для сравнения, вклад Германии, наиболее мощной европейской экономики, в ВВП ЕС

немногим превышает 20%. Эту же проблему отражает и анализ миграционных потоков в странах ЕАЭС. Здесь видно, что из-за более высокого развития идет отток из стран СНГ и ЕАЭС в РФ, что негативно сказывается на наличии трудовых ресурсов в государствах ближнего зарубежья.

Необходимо учесть проблематику особенностей географического положения интегрирующихся стран. ЕАЭС – это пять исключительно континентальных стран, четыре из которых не имеют выхода к морю вообще, а большая часть территории пятой страны – России – также значительно удалена от моря. Кроме того, евразийское пространство характеризуется значительными пустотами расселения и инфраструктуры, что влечет за собой дополнительные издержки – транспортные, институциональные, политические, и ощутимо тормозит интенсификацию торговли.

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что для каждой из стран торговля в рамках ЕАЭС не является первостепенно важной. Так, к примеру, для Республики Беларусь главными странами в отношении экспорта продукции выступают Соединенное королевство, Нидерланды, Литва, Украина и Германия [5]. Для России же внешнеторговый оборот со странами ЕАЭС занимает менее 9% от всего внешнеторгового оборота [6]. В общей структуре внешнего товарооборота Казахстана Россия занимает лидирующее положение (19%), однако, товарооборот с ЕАЭС занимает всего чуть более 21,3%, притом, что на ЕС приходится 39,7% [7]. Можно утверждать, что относительно слабый удельный вес ЕАЭС во внешней торговле этих стран вполне нормальное явление, ведь они все относятся к экспортно-ориентированным. Однако, в данном случае, это положение будет ошибочным, т.к. это на фоне мировой конъюнктуры и нарастающих политических противоречий только ослабляет стимулы к интеграции.

Кроме того, страновая ориентированность экспорта определяет во многом и вектор внешнеполитического развития, ведь с кем выгоднее странам вести обмен и получать прибыль, с теми у них будут более близкие межгосударственные отношения. Так, данное утверждение четко отражает положение Белоруссии в последние годы, которая заняла компромиссную позицию в конфликте Украины и России, как раз по причине опасности потери ценных партнеров в лице и украинцев, и ведущих стран Европы. Огромную роль здесь начинает играть лобби, нарождающегося в этой стране IT-сектора экономики, который реализуется в т.ч. в особенной экономической зоне «Парк высоких технологий» и поддерживается государством. Приведем конкретные цифры: 91% производимого в Парке программного обеспечения идет на экспорт: 43,2% поставляется в США, 49,1% – в страны Западной Европы, 5,3% – в Россию и СНГ [8]. При особой важности данной отрасли экономики для государства, этот бизнес может создать сильное политическое лобби в

сторону сближения именно с теми странами, в которые более всего экспортируется эта продукция, и ЕАЭС не занимает в рассматриваемой ситуации лидирующие позиции.

Почти все страны, обретя «суверенность» после выхода из СССР, скорее всего не будут иметь желание создавать сильные наднациональные органы власти, пусть и даже в рамках конфедеративного объединения. Отлично эта ситуация видна на примере строительства Союзного государства России и Белоруссии, которое началось в 1997 г., но по сей день так и незавершенно: нет единого гражданства, валюты, финансового пространства и т.д. Для сильного интеграционного объединения данный аспект очень существенен. Если взять для примера ЕС, то директивы наднациональных органов в рассматриваемом объединении обязательны для исполнения всеми странами, а поток субсидий и трансфертов координируется напрямую сверху.

На фоне этой ситуации негативную роль играет конфликт по поводу сгладившегося единого рынка нефтепродуктов ЕАЭС, в котором сталкиваются прямо противоположные интересы нетто-экспортеров нефти России и Казахстана, и Белоруссии. В связи с проведением налогового маневра Беларусь теряет существенные льготы, ведь Беларусь сама продает товары нефтепереработки за рубеж, сырьем для которых выступает российский энергетический ресурс, стоимость которого для этой страны была существенно ниже рыночной в мире. Не поддерживает создание единого рынка и Казахстан, считая, что данный процесс станет неподходящим обременением для экономик рассматриваемых стран [9, с. 144].

Таким образом, учитывая соотношение объединяющих страны ЕАЭС и дезинтегрирующих факторов, стоит отметить, что по дальнейшему становлению тесных отношений в рамках нынешней интеграции наиболее вероятным сценарием будет некоторая политическая и экономическая стагнация. На неё же сможет повлиять только резкое изменение мировой экономической конъюнктуры, или предложения всеми странами-участницами нового, более удовлетворяющего потребностям каждого из государств курса развития.

Список литературы

1. Буторина О.В. Особенности евразийской модели экономической интеграции // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 28–32.
2. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. М., 2019. 400 с.

3. Григорьев Л. М., Бриллиантова В. В., Павлюшина В. А. Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 4. С. 6–19.

4. Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты // Библиотека евразийской интеграции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/SiteAssets/Pages/library> (дата обращения: 16.10.2019 г.).

5. Структура внешней торговли товарами Республики Беларусь с отдельными странами в 2018 году // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]: URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/struktura-vneshney-torgovli-tovarami-respubliki-belarus-s-otdelnymi-stranami-v-2018-godu/> (дата обращения: 15.10.2019 г.).

6. Внешняя торговля Российской Федерации (по данным таможенной статистики) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: URL: <http://www.old.gks.ru> (дата обращения: 15.10.2019 г.).

7. Статистика внешней и взаимной торговли // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике [Электронный ресурс]: URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 15.10.2019 г.).

8. Факты и цифры // Парк высоких технологий [Электронный ресурс]: URL: <http://www.park.by/topic-facts/> (дата обращения: 15.10.2019 г.).

9. Каницкая Л.В. Завершение большого налогового маневра и его влияние на формирование общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование: Материалы Международного Байкальского форума / Под науч. ред. Е.Р. Метелевой. Иркутск: Изд-во: Байкальский государственный университет, 2018. С. 139–146.